

Виктор Борисович Жирнов
Лучший тренер Европы

Виктор Жирнов
Лучший тренер Европы

«Издательские решения»

Жирнов В. Б.

Лучший тренер Европы / В. Б. Жирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908175-9

Роман о гениальном тренере по плаванию, который создает систему тренировок, позволяющую не применять допинг. Тем самым плывет против течения. К чему это приведет героя, читатель узнает, прочитав роман.

ISBN 978-5-44-908175-9

© Жирнов В. Б.
© Издательские решения

Содержание

Лучший тренер Европы	6
Глава 2. Статья. Гламур, спорт, физическая культура и христианство	9
Глава2. Несбыточная мечта	18
Глава5.Поиски смысла	27
Глава8.Первые соервнования	36
Глава11 Партийное собрание	42
Глава 16. Отдых в Коктебеле	61
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Лучший тренер Европы

Виктор Борисович Жирнов

© Виктор Борисович Жирнов, 2018

ISBN 978-5-4490-8175-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лучший тренер Европы

В шахтерском городе Ровеньки Луганской области в ноябре 1976 года главным событием было открытие Дворца спорта «Юбилейный» с шикарным двадцати пяти метровым бассейном. За два года было построено самое современное и внушительное архитектурное сооружение в городе. Удачным было местоположение дворца, на восток в двухстах метрах от Гремучего лесопарка со столетними деревьями, а на запад в двухстах метрах от центрального пешеходного проспекта имени Ленина, засаженного в тридцатые годы соснами и елями. Жители города особенно радовались комфортабельному теплому бассейну. Все дети были записаны в абонементные группы плавания, а значительная часть взрослых – в группы здоровья. Переселившийся в Ровеньки из Коммунарска молодой тренер по плаванию, благодаря сложившимся драматическим обстоятельствам и своей противоречивой личности, вошел в историю города как один из самых ярких ее персонажей. Быстро ли медленно, но прошло 35 лет, и администрация Дворца спорта решила провести юбилейные торжества, на которых главными действующими лицами были первоклашки 1976 года, ставшие впоследствии прославленными мастерами водных дорожек, и их, ныне шестидесятилетний, бывший тренер. К парадному входу Дворца, сверкающего на солнце своими стеклянными витражами, бесшумно подкатывали Лексусы, Мицубиси, Мерседесы и БМВ последних моделей. Открывались дверцы дорогих автомобилей, и из них выходили преуспевающие сорокасемилетние предприниматели, руководители горного производства, ученые и известные журналисты с красивыми женами и прекрасными детишками. Все молодежь, стройные, красиво и дорого одетые! Они радостно приветствовали друг друга, жали руки, обнимались, собирались в кружок и смеялись, вспоминая свое спортивное детство. Их внимание привлек синий ушастый Запорожец, который с громким треском припарковался рядом с иномарками. Из машинки энергично выпорхнул мужчина, лет под пятьдесят на вид, в старом мешковатом пальто, в потрепанных башмаках из искусственной кожи. Он был явно смущен и покраснел, ссутулив свои широкие плечи, когда его встретили бурными аплодисментами. Это был преподаватель физкультуры в ПТУ 76, Степан Борисович Павлюков, с 1976 года по 1988 работавший старшим тренером по плаванию в этом Дворце спорта.

Контраст между внешним видом тренера и его воспитанников стал незаметен, когда они в одних плавках оказались на тумбочках бассейна, как участники юбилейного заплыва. Балкон Дворца спорта был забит до отказа, как и тридцать лет назад, когда команда города Ровеньки, под руководством Павлюкова, впервые выиграла первенство области. Только на этот раз многочисленные зрители видели на старте заплыва не подростков, а солидных мужей с сединой на висках. Седины не было только на бритой голове шестидесятилетнего наставника. А вот лишнего жира, на животах и боках, не было ни у одного участника заплыва. К старту готовились восемь взрослых мужчин, с удивительно стройными и мускулистыми фигурами. Правда, нужно отдать должное бывшему тренеру, мышцы которого обладали наибольшим среди стартовых пловцов объемом, рельефом и пропорциональностью, и только один из его учеников, Сергей Манин, полковник спецназа, не уступал Степану Борисовичу по мускульной мощи.

Наблюдавший за заплывом семидесятилетний художник Ермолов, (тот который расписал стену, что напротив стартовых тумбочек, пышными физкультурницами, катающимися на дельфинах), похожий на священника, худощавый с бородой и косичкой из седых волос, сказал своей сорокапятилетней жене-красавице: «Этот Павлюков установил своеобразный мировой рекорд. Больше чем мировой, исторический для всех времен. В истории человечества не известен ни один атлет, сохранивший такие великолепные формы и пропорции тела в шестьдесят лет!» Зато шесть других спортсменов были на полголовы выше ростом Манина и Павлюкова. Каждый из мужчин загорелся желанием выиграть эту дистанцию, 50 метров кролем. Заиграла

в жилах кровь, вспомнилась спортивная молодость, все косились на публику, на телевизионную камеру и дюжину фотоаппаратов, только шестидесятилетний помятый жизнью, но не сдавшийся, бывший тренер, смотрел, прямо вперед, рассеяно улыбаясь. Тренер-ветеран Людмила Полторак, работавшая в бассейне, с самого его открытия, тридцать пять лет назад, в микрофон начала представлять участников заплыва.

– По первой дорожке плывет рекордсмен Европы среди юниоров, чемпион всего Советского Союза 1986—88 годов на дистанции 400 метров вольным стилем, Эдуард Закиров! Тренер Павлюков Степан Борисович.

Стройный мускулисто-худощавый татарин, Эдуард поклонился публике и начал нервно пританцовывать как арабский скакун.

– По второй дорожке стартует Константин Чалый, мастер спорта СССР, чемпион кубка Содружества, бронзовый призер чемпионата СССР 1986 года. Тренер Павлюков Степан Борисович.

Двухметровый худой атлет с впалыми щеками и гагаринской улыбкой поднял руку вверх и кивком головы поприветствовал зрителей.

– На третьей дорожке готовится к заплыву мастер спорта СССР, чемпион Универсиады, пятикратный чемпион юниорских чемпионатов СССР, рекордсмен Европы на дистанции 200 м кролем на спине, Сергей Фомин! Тренер Павлюков Степан Борисович.

Кудрявый высокий изящно сложенный длинноногий пловец смотрел жестким взглядом на дорожку и, не обращая внимания на зрителей и аплодисменты, крутил руками, разминая плечевые суставы.

– По четвертой дорожке будет плыть лучший тренер Европы, кандидат в мастера спорта СССР, Степан Борисович Павлюков! – повышая голос до торжественного состояния, объявила Полторак, а балкон взорвался бурными аплодисментами.

Наставник повернулся всей грудой мускулов к народу и заиграл грудными мышцами, потом отправил на балкон воздушный поцелуй.

– Пятая дорожка, Сергей Манин, мастер спорта СССР, чемпион Вооруженных Сил СССР на дистанции 100 м баттерфляем. Тренер Павлюков Степан Борисович.

Сергей согнул руки, показывая могучие бицепсы, которые, как живые, перекачивались под его белой как сметана кожей. Он был похож больше на гладиатора, чем на пловца.

– На шестой дорожке будет стартовать, Павел Сурков, чемпион Украины 1987 года, мастер спорта международного класса. Тренер Павлюков Степан Борисович.

Долговязый Павел дурашливо ухмыльнулся и тоже послал воздушный поцелуй публике, подражая тренеру.

– Представляем участника заплыва на седьмой дорожке. Евгений Костюков, мастер спорта СССР, пятикратный победитель первенств ДСО «Авангард» Украины. Рекордсмен мира на дистанции 200 м баттерфляем среди юношей. Тренер Павлюков Степан Борисович.

Скромный немного полноватый и грузно мускулистый Женя поклонился зрителям и лукаво улыбнулся, и сразу стал еще больше похож на краснодонца-подпольщика Олега Кошевого.

– И, наконец, по восьмой дорожке будет плыть Дмитрий Колесников, мастер спорта международного класса, чемпион СССР на дистанции 1500 м вольным стилем. Тренер Павлюков Степан Борисович.

Похожий на древнегреческого бога Аполлона Дима пригладил свои совершенно седые волосы и показал знак победы пальцами правой руки.

После выстрела стартового пистолета произошло невероятное событие. Восемь мускулистых пожилых мужчин, с широченными спинами и узкими бедрами, прыгнули в воду, вынырнули через мгновение чуть ближе середины бассейна одновременно и на прямой линии, и поплыли, могучими торсами рассекая воду, рука в руку как сиамские близнецы. Син-

хронно одним щелчком ударили пятками по противоположному бортику бассейна, вновь вышли из воды на прямой линии в шести метрах от бортика и понеслись как стадо дельфинов к финишу, вновь рука в руку и одновременно, как по команде, закончили заплыв. Щелкнули секундомеры судей на дорожках, стрелки всех восьми секундомеров остановились на цифре 27. Никто не победил, никто не проиграл, все проплыли 50метров кролем ровно за 27 секунд! Любой любитель и профессионал спорта скажет, что так не бывает, такого не может быть, потому что не может быть. Сговорились? Но это невозможно, тем более что было видно по мощной работе ног, по вздувшимся от напряжения мышцам спин пловцов, по темпу движений рук, что каждый из атлетов приложил максимум усилий для того, чтобы одержать победу. Они еле успели отдышаться, как к бывшему тренеру подскочили телевизионщики, требуя объяснить происшедшее сенсационное событие. Степан Борисович отвечал.

– Лет сорок назад, когда я учился на первом курсе института физкультуры, один старый преподаватель с кафедры плавания пытался меня убедить, что точно может предсказать: за сколько секунд проплывет полтинник кролем мастер спорта, прекративший активное занятие спортивным плаванием, даже если прошло больше тридцати лет с тех пор. Он утверждал, что бывший спортсмен, ставший физкультурником и ведущий здоровый образ жизни, преодолет отрезок ровно за 27 секунд, а растолстевший и выпивающий бывший мастер, за 28.5сек. Я ему не поверил тогда, теперь вижу, что он оказался прав. Разумеется, я и мои воспитанники ведем здоровый образ жизни, мы не только бывшие спортсмены, но и физически культурные люди. В этом и состоял мой основной принцип тренерской деятельности: воспитывать из подрастающих поколений людей высокой физической культуры! Я горжусь, что у меня это получалось вопреки системе! Но я согласен, что сегодняшний юбилейный заплыв оказался уникальным, я не помню таких случаев в истории спорта!

– Спасибо, Степан Борисович, в городской газете «Вперед» вышла ваша статья о современном спорте, перепечатанная из журнала «Физкультура и спорт», которая вызвала бурные споры, вы не могли бы дать в стенах нашей телестудии интервью по теме статьи и рассказать о вашей драматической судьбе?

– А вы читали эту статью?

– Честно, нет!

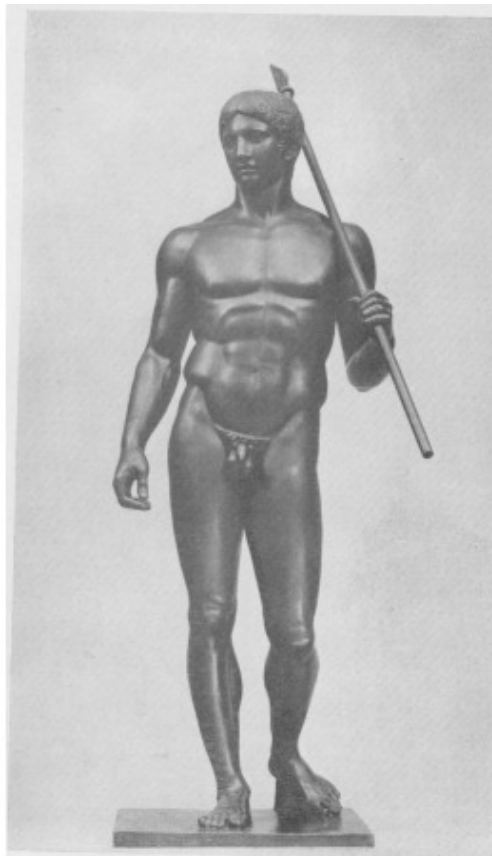
– Вот когда вы эту статью и другую под названием «Кто научит нас физической культуре?» прочитаете, позвоните мне, и я приду и отвечу на все ваши вопросы! Говорить о современном спорте, можно только прочитав хотя бы эти две мои статьи!

Глава 2. Статья. Гламур, спорт, физическая культура и христианство

Однажды я опубликовал в еженедельнике «2000» статью под названием: «Кто научит нас физической культуре?», где аргументировано доказал, что система физического воспитания плавно удаляется от физической культуры как таковой. Потом Сергей Гридин в интересной статье «Идеология гламура» показывает, как желание казаться, а не быть превращается в псевдоидеологию, захлестнувшую всю планету. В этом же номере «2000», Елена Садовник, «Чемпионы будущего – маньяки и гладиаторы», утверждает, что спорт далеко ушел от идей чистого олимпизма француза Пьера де Кубертена. Факты, приводимые тремя авторами можно назвать тревожными. На мой взгляд, всеобщая гламуризация действует на современный спорт особенно разрушительно. А если посмотреть на это процесс с христианской точки зрения?

Почему Пьер де Кубертен в конце девятнадцатого века, решил возобновить олимпийские игры древних греков? Наверное, потому, что физическую культуру Древней Греции можно признать образцовым средством воспитания полноценных граждан. Олимпийским чемпионам ставили памятники при жизни, при этом акцент делался на красоте телосложения. Считалось, что человек с совершенным телосложением не может быть плохим гражданином. Женщине обвиняемой в убийстве, понадобилось лишь обнажить тело, которое оказалось прекрасным, чтобы получить оправдательный приговор. Божественная красота считалась, очевидно, не совместимой с преступлением, с любым безобразным поступком. В этом была определенная логика. Путь к телесной красоте тернист, требует навыков хорошей жизни, полезных привычек, светлых мыслей и ответственности за божий дар – красоту, как талант, который нельзя закапывать в землю. В учебных заведениях Эллады стояла скульптура «Копьеносец» как образец универсального атлета и хорошего гражданина. Физическая культура считалась важнейшим средством воспитания гармоничного совершенного во всех отношениях человека. «Он не умеет ни читать, ни плавать», говорили о невежественном человеке.

Почему-то вспоминаются две знаменитые фразы: «Благими намерениями моститься дорога в ад» и «нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Рано или поздно идея о возрождении античного олимпизма после 2000 лет христианской цивилизации была обречена на неудачу. Сначала было бы необходимо выработать христианский взгляд на физическую культуру, спорт и олимпийское движение. Очевидно 2000 лет слишком короткий срок в развитии христианства! Не только руки не дошли до физической культуры у христиан, но и сама христианская цивилизация к концу 19 века оказалась в глубоком кризисе, получая удар за ударом от богоборческих сил!

Идея Пьера де Кубертена возродить Олимпийские игры была благородной, но время для такой затеи оказалось неудачным для христианской цивилизации. Повзрослевшее христианское человечество должно было взять из античности любовь к движению, Красоте и Гармонии, отказываясь от наивного языческого культа тела. Сначала вроде бы нечто подобное и происходило. Но каждые последующие Олимпийские игры современного человечества становились менее похожими на античные, не приобретая при этом никаких христианских черт.

Сначала до 1980 они радикально политизировались, потом сели на коммерческую иглу.

Сейчас все по-другому. Красота, гармония перестали быть неизменными спутниками спортсмена. Результат и рекорд наши боги! «Любой ценой», – звучит все чаще и чаще. Еще в 60-е годы прошлого столетия, люди, стремящиеся к телесной гармонии, увидели, что современный спорт все дальше отходит от канонов красоты. На пьедесталы стали подниматься странные люди. Один передвигая ноги циркулем, подкатывался к пьедесталу и взваливал на него сто шестидесяти килограммовое перекормленное тело, другой словно узник Бухенвальда сгибался под венком на него водружаемым, потому что весил едва ли больше своей

награды. Первый штангист тяжеловес, второй марафонец, а у третьего отсутствуют мышцы плечевого, ибо они совсем не нужны, прыгающему на 2.5 метра в высоту, четвертый должен страдать гигантизмом, ведь 2.5 метровому легче забросить мяч в корзину т. д.

На арену выходит культуризм как культура тела, стремление сделать его эстетически совершенным как у древнегреческих скульптур. Еще в начале 20-го века воспитанники доктора Краевского Гагеншмит, Крылов, Лурих демонстрируют образцы атлетического тела на все времена. В Европе всех поражает Евгений Сандов. Оказалось, что если взять в руки гантели и штангу, системно прорабатывая все тело, не забывая о беге или других циклических упражнениях, можно стать Аполлоном, Дорифором, Гераклом и Дискоболом. В 60-е годы культуризм выходит на арену, проводятся конкурсы красоты телосложения в сочетании с силовым троеборьем. Культуризм, атлетическая гимнастика грозят стать самыми популярными видами спорта и системами самосовершенствования. Но появляется терминатор Шварценегер и уничтожает культуризм, превращая его в бодибилдинг. Вместо культуры тела на сцену выходит суперменство, культ невозможных преувеличенных, неправдоподобных мышц.

Это уже совсем другой взгляд на жизнь и тренировки. Это гламур. Сергей Гридин пишет: « «Большие проекты» измельчали, вышли из моды. На смену им пришли гламурные пародии... Взамен логики и смысла, цели и усилия приходят блеск и иллюзия имиджа, всепобеждающая красота гламура.» Олимпийская идея Кубертена – это проект возрождения стремления к гармонии древних. Бодибилдинг – гламурная пародия, желание паразитить, казаться здоровым, но не быть таким. Анаболические стероиды как раковая опухоль раздувают работающие мышцы, разрушая организм псевдосупермена. Шварценегер внешне еще сохранял внешний вид стройного атлета, гипертрофированные, искусственно сделанные при помощи химии мышцы казались естественными и красивыми. На обложках глянцевых журналов наш гламурный герой казался воплощением здоровья и успеха.

Начиная с конца 70-х Шварценеггер, точнее плакаты с его изображением, висят во всех тренажерных залах как образец! Образец!? Замена идеала древних Дорифора? Новый эталон гармонии, здоровья и совершенного гражданина? Древние, чтобы приблизиться к своему эталону становились многоборцами, бегали, плавали, боролись, метали, постигали красоту в искусстве и поэзии, соблюдали умеренность в еде и питье. Последователи Шварценеггера бомбили мышцы сверх усилиями с тяжестями, занимались обжорством, глотали «волшебные» таблетки увеличивающие массу тела до непомерных размеров. Постепенно они разделились на два неравных лагеря. Первый – победили международных турниров по бодибилдингу прямые наследники Шварценеггерского трона, тратящие на выкармливание и накачивание сухих мышц свыше 200 тысяч долларов в год. Выглядят они ужасно, например, при росте 176 элитный бодибилдер весит 120 кг, при жировой прослойке менее 8%. Естественным путем это невозможно, поэтому арсенал «химии»: сжигателей жира, анаболических стероидов и других фармакологических средств, постоянно растет и дорожает. Второй лагерь армия любителей глотающих недорогие анаболики и кушающие через каждые три часа толстяков с массивными бицепсами. На своего кумира не похожи ни первые, ни вторые.

Но первые считают себя лучше, совершенней, а вторые, понимая, в глубине души, что идеал недостижим, все же бесплодно мечтают и страдают комплексом неполноценности. Очевидно, что бодибилдинг не путь к красоте, здоровью и гармонии.

АВТОР НА 60 ГОДУ ЖИЗНИ

Современный спорт тоже перестает быть частью «целительной пирамиды». Рекордомания превратила спорт, как справедливо замечает Елена Садовник, в место встречи гладиаторов и маньяков, в полигон испытания фармакологических средств и геной инженерии. Где же здесь место олимпизму древних и Пьера де Кубертена? Может быть, профессиональный спорт и необходим цивилизации, но куда исчезает любительский? Идея олимпийского движения возникла как раз на базе любительства. Ее бы следовало возродить, любительские олимпийские игры это культура, а не гламурный проект, это искусство, философия взлет духа...

Возникает только вопрос: «Какой должна быть философия современного спорта и физической культуры?» Попытка привить христианской цивилизации, находящейся в стадии кризиса, античную языческую физическую культуру терпит поражение. Идеология постмодернизма способствовала окончательному вырождению идей наивных отцов современного олимпийского движения. На мой взгляд, становится очевидной необходимость возрождающемуся в России православному христианству сформировать свою концепцию физической культуры, базирующейся на признании тела как храма христианской души. Здесь уже не будет место суперменству, стремлению к власти, самообожествлению и бездуховному своеволию. Христианская культура вместо античного культа, а не сатанинское стремление превращение античной красоты в фарс!

Иллюстрируют наши рассуждения три фотографии. Поликлетовский «Дорифор», юноша с копьем, образцовый универсальный атлет, гражданин и философ, алчущий правды, современный бодибилдер увешанный начиненными химией чудовищными суперменскими мышцами, думающий только о еде, химии и конкурсах маньяков суперразмеров, и довоенный парад физкультурников СССР, строй прекрасных юношей и девушек, одухотворенных мечтой... Хочется верить, что мы – православные люди, прошедшие через двух тысячелетнее обу-

чение христианской историей, сможем отделить зерна от плевел и создать свою систему физического воспитания. Юноша с копьем ждет Христа, бодибилдер угождает сатане, отрезанные от богочеловека Христа советские физкультурники мечтали стать героями-сверхчеловеками, а нам предстоит с Божьей помощью поставить правильные акценты, беря на вооружение все лучшее, что оставила нам античность, русская история, многие бесспорные достижения организации физической культуры в СССР.

Степан Павлюков, преподаватель физической культуры.

Глава3 Статья. Кто научит нас физической культуре?

№8 (403) 22 - 28 февраля 2008 г. 22 Февраля 2008

Наверное, не будет преувеличением сказать: «Физическая культура в Украине в упадке!» Одутловатый чиновник из Спорткомитета будет приводить утешительные цифры, мол, столько-то олимпийских чемпионов, чемпионов мира и Европы, мастеров спорта и разрядников, расскажет об армии самоотверженно работающих чиновников, тренеров и преподавателей физкультуры... Это будет правдивая информация.

Но если мы его спросим, почему так трудно военкоматам найти здоровых, физически развитых призывников, почему большинство будущих матерей лежат в больницах на сохранении и рожают нездоровое потомство, почему так много граждан страдают избыточным весом, почему наша страна в числе «лидеров» по курению, алкоголизму, наркомании, отсюда вытекающих, он ответит (вполне справедливо), что очень мало выделяется денег на развитие физкультуры и спорта, что в несколько раз за годы независимости уменьшилось количество детских спортивных школ и спортивных секций в учебных заведениях, о плачевном состоянии спортивных сооружений. Все это серьезные проблемы.

Однако проблема №1 – то, что система, призванная формировать физическую культуру народа, работает почти вхолостую. А значит, можно выделить в десять, в сто раз больше денег, но ожидать даже незначительных эволюционных изменений наивно.

Почему? Начну издалека. Многие справедливо возмущаются: «Почему знаменитые украинские атлеты рекламируют спиртные напитки и сигареты?» А я хочу спросить: «Чему вы удивляетесь? Какое отношение имеют они к физической культуре?» Мой вопрос кощунственный. Но атлет на глянцевой обложке журнала с сигаретой в зубах сам по себе – яркая иллюстрация этого тезиса.

Давайте посмотрим на тренера этого спортсмена или преподавателя предмета физическая культура и здоровье. Пойдите в любую школу, техникум, вуз, спортсооружение, попросите представить вас преподавателю физкультуры или тренеру, и это, как правило, окажется человек с приличным животиком, прокуренными зубами, с мужественным лицом пьющего в меру сил бывшего атлета, давно забывшего, что такое зарядка и пробежка. «Держись, Вася, выполнишь мастера, станешь чемпионом мира, тогда и расслабишься!» – говорит тренер перспективному воспитаннику, с наслаждением затягиваясь сигаретой.

Мы, налогоплательщики, через государство выделяем средства на физическую культуру и спорт, предполагая, что эти деньги тратятся на оздоровление нации. Подразумевается целевая пирамида, на вершине которой – олимпийские чемпионы, а у основания ее миллионы разрядников и физкультурников, ведущих здоровый образ жизни и «заражающих» этим остальных. Строителями этой пирамиды должны стать специалисты физической культуры, закончившие специальные вузы, преподаватели и тренеры.

К сожалению, на практике все наоборот. Большая часть физкультурных работников и функционеров спорта не являются примером здорового образа жизни! Повторюсь: сколько ни вливай в такую систему средств, она не будет решать демографические проблемы страны. Потому что коэффициент полезного действия невысокий.

Я не первый, кто, посмотрев на наш спорт, изумился: «Что это такое? Для чего?» Много писали об этом Николай Амосов, Юрий Власов, Дмитрий Иванов... Статьи Амосова, например, вызвали бурные дискуссии. Это хорошо, однако пришло время осознать: необходимы уже не разговоры, а дела. В странах СНГ глубокий демографический кризис, который не решить повышением выплат на рождение ребенка. Кто будет рожать и кого рожать? Разве смогут прокуренные, пропитые, страдающие от гиподинамии и ожирения нездоровые люди растить здоровое поколение? Каждый человек может заболеть, никто не застрахован, существует медицина, чтобы спасти, если случилась беда. Но миллионы людей страдают и болеют только потому, что некому было привить им принципы здорового образа жизни.

Необходимо проанализировать, почему физкультурные вузы готовят квалифицированных специалистов, обладающих серьезными знаниями в биохимии, биомеханике, методике тренировок и педагогике, но не формируют идейную убежденность миссионеров здорового образа жизни.

Когда я учился в Киевском институте физкультуры, перед самой защитой дипломного проекта произошел интересный случай. Мы с однокурсником вышли из бассейна, и он по обыкновению закурил. По ступенькам поднимался ректор Владимир Платонов, поздоровавшись, он спросил фамилию однокурсника. На следующий день появился приказ об его отчислении с формулировкой: «Наличие привычек, несовместимых с профессией». Все были шокированы и возмущены, человек столько лет учился, хорошо сдавал зачеты и экзамены и из-за какой-то сигареты все насмарку? Так как это был единичный случай, никто ничего не понял.

Наше население не уделяет должного внимания физической культуре: делают зарядку, бегают, плавают и тренируют мышцы у нас единицы. Вот и пустуют стадионы и парки по утрам, а подавляющее большинство населения страдает от болезней, связанных с гиподинамией и вредными привычками. Даже те, кто собрался с духом и посетил бассейн или тренажерный зал, бросают, говорят, «нет времени»? А ведь это все равно, что не найти времени умыться, почистить зубы, привести в порядок волосы и одежду.

Преподаватели, тренеры и физкультурные работники должны быть миссионерами здорового образа жизни. Не может учитель физкультуры курить или обзавестись животом – это абсурд, к которому мы привыкли.

Я не призываю к репрессиям. Просто необходимо создать стимулы для спортивных работников сохранять спортивную форму всю жизнь. Например, высшую квалификацию присваивать не толстяку, знающему методику урока, а преподавателю, ведущему здоровый образ жизни, сдающему определенные нормативы физподготовки.

Автор в сорок лет.

В короткой статье нет возможности привести все возможные способы формирования эффективной системы физической культуры. Сначала предлагаю согласиться, что что-то надо делать, ждать больше нельзя!

Степан Павлюков. Тренер.

Оставим журналистам города Ровеньки и нашим читателям некоторое время прочитать статьи и отправимся в прошлое. Кто-то прочитает, кто-то поленится.... Но тот, кто не прочитает, рискует не понять главного в моей повести о большом тренере.

Глава 2. Несбыточная мечта

В первый раз в жизни он попал в закрытый зимний бассейн, когда ему было двадцать лет. Степан Павлюков лежал в госпитале имени Соловьева после тяжелого ранения в правую руку. Врачи долго бились над сильно смещенным переломом плеча, и после третьего трех месячного наложения гипса сочные кости штангиста, наконец, образовали мозоль, в возможность которого не верил даже сам полковник медицинской службы Махов. А вот подполковник Чернов верил и отстоял руку, спас от ампутации, а после последнего снятия гипса назначил нашему герою плавание в бассейне для разработки контрактуры. И хотя Павлюкову в первое посещение бассейна удалось, теряя сознание от боли, проплыть лишь 15 метров, он, буквально, заболел бассейном. Белизна кафеля, зеленая теплая прозрачная вода, разноцветность дорожек в сочетании с женщинами в мокрых купальниках, облегающих самые заветные, волнуемые кровь, места, в то время, когда за витражами сооружения падал снег, ударили в голову и сердце так, что он сказал себе: «Выгонять с армии, пойду работать в бассейн, хотя бы уборщиком, но пойду!». Потом, приехав к родителям, поселившимся после отцовского дембеля (отец служил в морской авиации) на Донбассе в городе Коммунарск, Степан напросился у директора спорткомплекса треста Коммунарскстрой плавать со спортивной группой. Рука до сих пор болела, но он уже мог довольно бойко проплывать кролем до километра без остановки, немного припадая на больную руку. О своей мечте, работать в бассейне, Павлюков забыл и пока безуспешно искал работу, чтобы не сидеть на шее у родителей. Но никому не нужен был молодой человек с изуродованной рукой и незаконченным высшим образованием. Нужны были рабочие со здоровыми руками, а не недоученные философы и педагоги. Тем не менее, от бассейна он испытывал телячий восторг: «Мама, я познакомился с пловцами, мы играли с ними в водное поло. У Павла (семнадцатилетнего, заброшенного пьющим тренером, верзилы) второй спортивный разряд!» Степан Павлюков в этот момент так был далек от спортивных реалий, что сам, мечтая выполнить третий разряд в 21 год, считал Павла в семнадцать лет, плывущего брассом быстрее второго чуть ли не спортивным вундеркиндом. Его мнение разделяли все пловцы запущенной спортивной группы треста Коммунарскстрой!

Второй разряд по любому виду спорта – это очень важная веха в физкультурно-спортивной судьбе человека. Например, второразрядник по сравнению с не занимающимся спортом человеком и новичком отличается телосложением очень сильно, а чемпиона мира от второразрядника практически по внешнему виду уже не различишь! Павел худощавый, стройный, гибкий, похожий на артиста Коренева, в роли «Человек-амфибия», выглядел как настоящий пловец, с мощной ящикообразной грудью, широкими плечами, узкими бедрами и умеренного размера и рельефа необычайно пропорциональной пластичной мускулатурой. По технике отличить спортсмена второго разряда от мастера спорта может только опытный тренер. Вот почему бывшему штангисту Павлюкову, еще и изуродованному ранением, перезрелый для плавания семнадцатилетний второразрядник Павел казался пловцом-вундеркиндом! Вот почему он поставил себе задачу: выполнить второй разряд по плаванию к следующему лету. У него к 21 году уже было семь вторых спортивных разрядов, но разряд по плаванию казался ему в это время значительно более важным и желанным достижением, чем значок мастера спорта по штанге, который он заслужил до армии.

Степан не знал и не думал, и не мечтал о том, о чем мечтать в его положении было бы безумием, он не грезил о карьере тренера по плаванию, но судьба его туда вела! Методике тренировок у местных пловцов он научиться не мог, так как их тренер Стас Михайлов, невысокий, но стройный блондин, с гордой осанкой, приезжал на мотоцикле к началу тренировки, с важным видом писал на листке одну и ту же тренировку (по забывчивости) приклеивал его к тумбочке и удалялся играть в городки с директором спорткомплекса, после чего гуляли,

выпивали. Молоденький «играющий» тренер, имеющий, так как и Павел, второй разряд, подплывал к тумбочке и читал вслух: «Разминка 400метров комплексом – плывем. 10 раз по25м избранным стилем – плывем. 8 по 50м – не плывем, дальше 2разапо 400 кролем – не плывем, не плывем, не плывем... Короче, два раза по 50м со старта плывем на время и играем в водное поло!» Степана, с его «честолюбивым» планом выполнить второй разряд к лету и догнать лидеров бассейна, такой расклад не устраивал, поэтому он придумал себе пока совсем незатейливый, но, все-таки, план тренировок. Одну тренировку он полностью плыл задание тренера, а другую – на следующий день, прыгал в воду и плыл кролем без остановки до посинения от 5до 10 а иногда и 15километров. На следующий день вновь полностью выполнял программу, написанную на листке Стасом. И так через день 6 дней в неделю. Через два месяца это привело к следующим результатам. Первым делом под воздействием хлорки и переохлаждения он заработал гайморит, поэтому пришлось подвергнуться крайне болезненной процедуре прокалывания носовых пазух. Глаза постоянно слезились, тело чесалось, но ему почему-то не пришло в голову две очевидные истины: первая, бассейн треста Коммунарскстрой не приспособлен для много километровых заплывов, а вторая, что второй спортивный разряд не та цель, ради которой стоит терпеть такие лишения и подвергать свое здоровье значительному риску. Но жизнь не рациональна! Оказалось, что плыл он, при всех издержках процесса, к своей несбыточной мечте! Однажды, когда Павлюков, дурея на 15 километре плавательного марафона уже ничего не видел и не слышал, едва не врезаясь лбом в бортик бассейна при очередном повороте слыто, раздался разбойничий свист, изменивший его судьбу. На бортике стоял, пошатываясь, пьяный директор, громко свистел и призывно махал руками, звал Степана. Когда тот, задыхаясь, выполз на бортик бассейна и стал, тоже пошатываясь, но от усталости, а не от водки как директор, мокрый как курица и оробевший, прозвучали невероятные слова: «Ты не хочешь пойти к нам работать тренером по плаванию?»

– -Я?!!! Я же бывший штангист, не пловец и методики не знаю, какой из меня тренер по плаванию!?

– — Нна..учи..шься! Главное, ты фанат в плавании! Если ты фанат, то всему научишься! Главное, что плаваешь. Второй разряд есть у тебя?

– -Конечно! – соврал Павлюков, не мог не соврать, когда произошло такое невероятно чаемое событие.

Степану почему-то в тот момент показалось, что звание фанат в плавании – это невероятный комплимент. Он фанатиком себя не считал, но в эту минут решил им стать, чтобы оправдать доверие директора. Дома за обеденным столом он так и заявил: «Мама, папа, я фанатик плавания, поэтому меня взяли на работу тренером. Оклад восемьдесят рублей!!!»

Глава 3 Становления мастера.

Все объяснялось очень просто. Директору спорткомплекса, Колюжному Петру Ивановичу, нужен был тренер негр, работающий за него и его друзей бездельников-городошников за мизерную ставку, которую платили человеку без образования и мастерского звания. Эксплуататоры во время одной из пьянок в директорском кабинете вышли на балкон и увидели в бассейне мускулистого чудака, мотающего километры. Престарелый похожий на грустного клоуна завуч Дмитрий Дмитриевич Зоценко изумленно смотрел вниз, потирая красный в прожилках нос алкоголика и шевелил тонкими губами, что-то соображая и высчитывая. Потом он толкнул старшего тренера Стаса и подмигнул Петру Ивановичу: «Этот человек будет работать на нас, он всех нас заменит!» Директора осенило: «Фанат?!» Стас брезгливо буркнул: «Кроль у него корявый!»

– Хрен с ним с его кролем, ты сам уже на кролика стал похож от беспробудного пьянства! – -загоготал Зоценко, довольный своим незамысловатым каламбуром. Но директор сделал строгое лицо и заявил: «А вы, Станислав Игоревич, за что деньги получаете, аж полторы ставки, аж 250 рублей чистыми? Вот и поправите кроль товарищу! Назначаю вас главным тех-

ническим инспектором бассейна, чтобы кроли ни у кого не хромали!» Мужики пошли дружно допивать, а Петр Иванович спустился вниз и засвистел с бортика, не зная, что в эту минуту рождает великого тренера. Так Степан стал тренером по плаванию с официальной нагрузкой 4 часа в день, работая от зари до зари, от темна-до темна, не зная, что деньги вместо него получают веселые собутыльники. Он был счастлив, работал, не уставая, и никак еще не мог поверить полностью, что его несбыточная мечта так легко осуществилась! Будучи профаном в плавании, в обучении, в специальной физической подготовке, в технике четырех способов плавания, в методике тренировок, в педагогике и детской психологии, он учился на практике, набивал шишки и впитывал как губка приемы, применяемые старшим тренером, который перед соревнованиями появлялся на бортике бассейна, натаскивая своих учеников.

– Какое упражнение главное при обучении плаванию новичков? – спрашивал Степан на время протрезвевшего и трудолюбивого Стаса. Тот, моргая часто белесыми ресницами, отвечал: «Скольжение, скольжение и еще раз скольжение! Все остальное нанизывается на него как бусинка на нитку!» На следующий день, показывая в лягушатнике ребятишкам-детсадовцам скольжение, Степан с досадой обнаружил, что не умеет его делать! Бусинки есть, а ниточки нет. Нужно было набрать воздуха побольше оттолкнуться от бортика ногой, вытянуться в струнку и лечь на воду, и, используя инерцию, скользить хотя бы метров десять без движения рук и ног. А нашего героя переворачивало на третьем метре, детишки при этом смеялись.

Учились скользить вместе. Научились. Прошло две недели. Степан, не унимался: «Скольжу полбассейна, что второе по важности в технике кроля?» Стас смотрел на него строго и высокомерно: «Высокий локоть и правильное количество ударов ног в зависимости от дистанции!»

– Чтобы быстро плыть сто метров, сколько ударов ногами нужно делать?

– Нужно плыть шестиударным кролем, но у тебя не получится. А на длинные дистанции плавать ты уже старый. Не рыпайся, мой совет тебе!

– Почему у меня не получится хорошо плыть шестиударным кролем?

Вместо ответа Стас дал ему в руки полотенце: «Прокрути назад вперед!» Степан, корчась от боли в простреленной руке, смог проделать упражнение чуть ли не на ширине распостертых рук. Его старший товарищ, взял полотенце и показал прокрут на ширине плеч: «Если хотя бы так сделаешь, поплывешь спринтерским кролем!» Степан Павлюков чувствовал себя загнанным в угол: через две недели первенство города по плаванию, где его ложь директору про второй разряд будет разоблачена! Он крутил полотенце сотни раз в день, плача от боли и рискуя порвать связки, но дело продвигалось медленно. А вместо успеха приходила бессонница от боли в больном суставе. Плавал в лопатках на руках, чтобы поставить высокий локоть и в ластах, с дощечкой одними ногами, чтобы сильнее включать ноги. И гнул себя и растягивал, терпя боль. За два дня до соревнований ему удалось прокрутить полотенце чуть шире плеч и достать пола ладонями! На тренировках в воде туловище перестало чрезмерно поворачивать в сторону вдоха и обратно, что позволило не сбивать с ритма ноги. Есть шесть спринтерских ударов!

– На четвертой дорожке спортсменов второго разряда, Степан Павлюков, трест Коммунаркстрой!

У него покраснели уши, когда судья так его объявил, став соучастником его лжи. Выстрел пистолета, полетели, упали вводу и понеслись! Что с ним такое происходит? Он что летит? Почему так легко? Почему все позади? Почему ноги молотят, словно отбивают чечетку, вода под руками твердая, плотная, а по телу бегут струйки воды и сходятся под ногами, так что ощущаешь себя реактивным двигателем? Откуда такая непривычная скорость? Выиграл заплыв?

– Первый, четвертая дорожка с результатом одна минута и восемь секунд!

Степан ошалел от радости, услышав это: на целую секунду быстрее норматива второго разряда! Он теперь честный человек!

Постепенно к нему приходило и тренерское честолюбие, и азарт. Но это честолюбие и этот азарт противоречили его предыдущему опыту в спорте.

Глава 4. Спортивная юность.

С детства его воображением овладели два славных Юрия, в шестидесятые годы двадцатого века, прославившие страну Советов: Юрий Гагарин и Юрий Власов. Первый сказал: «Поехали!», – и словно вдоль по Питерской пронесся над землей. Спустя четыре года он, в блеске своей громкой славы, приехал в заполярный гарнизон военной авиации Луостари Новое, что на границе с Норвегией, посмотреть на своих сослуживцев, помнивших его как лейтенанта Юру, веселого и спортивного салагу, несколько лет назад приступившего к службе после окончания летного училища. Борис Григорьевич Павлюков, отец Степана, был первым наставником будущего космонавта №1, будучи опытным летчиком командиром звена, капитаном. Одиннадцатилетний Степан чуть в обморок не упал, когда внезапно открылась дверь в барак, в котором он жил и на пороге вырос Гагарин со своей знаменитой сразу к себе располагающей улыбкой. Дальше происходило вообще что-то невероятное, с учетом того, что Павлюкову отец казался почему-то человеком слишком обыкновенным и прозаическим: маленького роста, с брюшком, в не солидном для своего возраста звании старшего лейтенанта, любитель опрокинуть один другой стакан спирта, который выдавался в обилии летчикам для очистки иллюминаторов ото льда. Дело было в сентябре. В бараке еще не холодно (зимой выше 11 градусов никогда не бывало). Отец в одном синеватом казенном белье, а вошедший подполковник, похожий на Юрия Гагарина (не мог же это быть настоящий космонавт) – в щеголеватом мундире с золотой звездой на груди. Неужели и на самом деле Гагарин? Да мало ли у них здесь бывало с такими звездами фронтовиков. Но этот молодой для фронтовика, но может летчик-испытатель? Но почему так похож на космонавта №1? Да и не очень-то и похож, тот спортивный стройный, а у этого животик больше чем у отца, и лицо округленное, и ростом чуть выше бати, не может такой герой быть таким маленьким... Показалось! Но звезда откуда, и улыбка?

– Товарищ капитан, лейтенант Гагарин по вашему приглашению прибыл! Борис Григорьевич, сколько лет, сколько зим?

– Юрка!!!!

И маленькие толстоватые человечки кинулись друг другу в объятия. В принципе они были просто невысокие, а не маленькие, в этом поколении средний рост 164см, но юному акселерату, к одиннадцати годам вымахавшему до 176см, они на какое-то мгновение показались совсем маленькими.

– Ты что растолстел так, подполковник? – спросил отец.

– Кормят везде, куда не приеду, хлебосольничают, удивить хотят, на диету ссылаться неудобно. Вы- то, Григорьевич, почему добрее? Я вашу фигуру всегда за образец для себя принимал.

– Жена готовит хорошо и все удивить хочет, тоже неудобно отказываться. Шеф-повар в офицерской столовой, не помнишь, как она тебя заставляла макароны продувать, признаюсь, мы с ребятами тебя, новичка, тогда разыграли, науськали мою супругу дать тебе такое важное задание, как дежурному по части.

– Бессовестные зубоскалы, дедовщину развели в авиации! – подполковник повернулся к Степану и похлопал его по плечу, – Хорошо растешь, Степа! Только худой очень, мышц бы набрать тебе килограмма четыре! Борис Григорьевич, почему не повлияете?

– Повлияешь на него! Вот ты возьми и повлияй, ты же герой, космонавт, твои слова много весят. А я ему кажусь серым обыденным человечком, подумаешь на тихоходном транспортном ЛИ2 летаю, спокойно и без подвигов. Лыжами он увлекся как фанатик, твой рекорд гарнизона

на десятке побить хочет. А пока на Спартакиаде народов Севера на детской дистанции 3 км проиграл только одному норвежцу.

– Это правда, Степан, что об отце так буднично думаешь?, – спросил космонавт и, не дожидаясь ответа, возразил, – Да, ты знаешь чтобы летать на Крайнем Севере на «Дугласе», который у нас в Ли2 переделали, нужно быть асом, классным летчиком, твой отец на истребителях был лучший, меня учил летать по-настоящему, а в прошлом году его экипаж в Северном Ледовитом океане нашел пропавших было полярников. Это тебе не подвиг? И в отряд космонавтов он был уже зачислен и мог бы полететь вместо меня, если бы зуб замполиту не выбил за подлость. Это не подвиг? Кстати, потому и ходит до сих пор в поручиках, разжаловали. А ты, небось, стесняешься?!

Парнишка стоял красный как рак. Ему было стыдно и неловко, что летчики словно прочитали его мысли. Отец возразил.

– Полететь первым вместо тебя я вряд ли мог, улыбаться не умею так, лицо суровое, а покрутиться вокруг Земли, конечно, мог бы с удовольствием, но не судьба летать так высоко и быстро, зато летаю далеко и долго хоть и не быстрее 400км в час! Подвигов я не совершал, конечно, зуб выбить замполиту, полярников искать, это не подвиги, работа обыкновенная.

– Папа, так это у тебя работа такая зубы выбивать замполитам?! – сострил Степан, все трое засмеялись, а Гагарин пригрозил ему пальцем.

– Ты шути осторожно, молодой человек, а то чего доброго политику нам пришьют!

1965год.

Друзья после второй чарки, которая была наполовину меньше первой, начали вспоминать стрессовые ситуации, пережитые во время совместной службы. Не в каждом приключенческом романе встретишь такие драматические истории. После третьей чарки, которая была уже вдвое меньше второй, начали вспоминать смешные истории. Не в каждом юмористическом журнале прочитаешь столько смешного. Степан был в восторге! Через два дня Юрий Гагарин улетел, успев купить в Заполярном (городе в 16км от гарнизона) гантели по 4 кг и подарить книгу знаменитого атлета Игоря Тенно «Ты можешь стать сильным» с комплексами гантельной гимнастики с надписью: «Степану Павлюкову, сыну выдающегося летчика и замечательного человека, старшего лейтенанта Павлюкова. Будь достойным сыном своего отца!»

Дядя Юра, уезжая, вызвал его на заочное соревнование, кто окажется быстрее: Степан наберет 4 кг мышц или космонавт скинет 5кг жира, занимаясь одними теми же комплексами с 4кг гантелями, пять дней в неделю. Книжка бывшего циркового атлета и узника Гулага, совершившего оттуда несколько побегов, жгла сердце горячим железом. Пришло время железной игры, и сразу появился у Степы Павлюкова еще один кумир – Юрий Власов! До этого он знал это имя, и даже, увидев его однажды в журнале перед кинофильмом, был им вос-

хищен. Сюжет спортивного эпизода был разыгран блистательно. Лежит на помосте огромная штанга с множеством 20кг блинов, выходят к ней огромные толстые монстры, жмут на вытянутые руки, добавляют еще два килограмма, гиганты, похожие на слонов, гнутся, трясутся, но с весом не справляются. Вдруг на сцену выходит стройный мускулистый пижон в черных очках, с лицом интеллигента, радостно улыбается, играет стальными буграми мышц и жмет снаряд, с гнущимся от тяжести дисков грифом, как пушинку! Потом пижон бросает махину на пол, подпрыгивает до потолка и улыбается как дед Мороз на детском утреннике! Юрий Власов самый сильный человек планеты! Но мал был тогда Степан, восхитился и благополучно забыл богатыря-пижона, а там Гагарин полетел в космос, всех затмил! И вот получил из рук первого астронавта вдохновенную книжку о железной игре, о русских силачах прошлого и нынешнего века: Поддубном, Елисееве, Заикине, Крылове! А кто нынче самый сильный? Узнать помог случай. Сидел юный Павлюков в очереди в парикмахерскую, очередь длинная, стригут медленно ручной машинкой, а чтобы клиенты не скучали, на столике лежали старые журналы. Открывает Степан со скуки журнал «Смена» за 1961 год и натывается на репортаж о виденных им в кинотеатре четыре года назад событиях в Риме. Статья длинная, с фотографиями и комментариями известных атлетов, читает наш герой и мурашки бегут по коже. Накал страстей, яркая победа и слава. Слава яркая всемирная как у Гагарина!

До Власова силу наедали, тяжеловесы штангисты были похожи на бегемотов, поэтому Степан, с детства мечтавший быть самым сильным, потерял интерес к этой мечте. Стройный пластичный и взрывной Власов завел его снова, буквально заставив заболеть вновь этой несбыточной детской мечтой. Гагаринские гантели и комплексы вылепили Павлюкову к седьмому классу крепкую мускулатуру, но штанги в руках он еще не держал ни разу. Он сидел в парикмахерской и перечитывал возбужденно пятый раз статью о Юрии Власове, когда пришел постригаться и его одноклассник Юрка Степашкин, тоже занимавшийся гантелями по книжке, подаренной Степану космонавтом. Павлюков, молча, придвинул журнал приятелю и через десять минут тот тоже покрылся румянцем от возбуждения. Потом он вскочил как ошпаренный на ноги и, схватив Степана за руку, сказал: «Пойдем! Потом будем стричься! Пойдем штангу поднимать!». Степан смотрел на Юрку как на волшебника, который готов воплощать его едва созревшую мечту, сразу и сейчас.

– Где ты возьмешь штангу? – спрашивал Павлюков, потому что не верил что Степашкин – волшебник.

– У моего отца в части есть, но он не разрешал мне туда ходить, грозил, что расти перестану, но мы с тобой уже выше среднего роста, навру дежурному по части, что запрет отменен.

Они вышли из огромного мрачного пятиэтажного здания офицерского общежития, где помещалась на четвертом этаже парикмахерская, и пошли по широкой дороге, вдоль которой тянулся гарнизон. До дивизиона связи, которым командовал подполковник Степашкин, километра два, было четыре часа дня, но стояла январская полярная ночь. Дорога освещалась тусклым светом редких фонарей и гуляющими по небу разноцветными столбами северного сияния, из репродуктора возле клуба звучала бравурная музыка Хачатуряна, приятели быстро в ритме музыки перебирали ногами, обутыми в офицерские унты, а скрип снега под ними как бы озвучивал их нетерпеливый задор. «Джиг, джиг, джиг, джиг» миновали клуб, офицерскую столовую, «джиг, джиг, джиг» возле бани снег заскрипел уже в пятьдесят раз сильнее, шел взвод матросов в баню и пел: «А все мы парни обыкновенные и дружбой матросской верно сильны!» Приятели посмотрели на матросов насмешливо. Сыновья летчиков-полярников морской авиации Северного флота не хотели быть обыкновенными парнями, они были не городские, не деревенские, а гарнизонные, они все мечтали заселить большие города и покорить их. Покорить чем-то необыкновенным: волей, талантом, настойчивостью, может быть, просто силой, как Юрий Власов. Юрий Гагарин покорила мир, преодолев земное притяжение, но он был не легендой для луостарских пацанов, они его видели, общались с ним как с земля-

ком, а вот Юрий Власов казался легендарным, далеким. Юрий Власов тоже преодолевал земное притяжение, прославляя Родину по-своему. Первый человек в космосе – русский! Самый сильный человек в мире тоже русский! поголовно близорукие подростки Крайнего Севера не могли уже мечтать о полетах в космос, подражая Гагарину, а вот очкарику-силачу Власову подражать можно и они спешили добраться до места, где имеется возможность начать вершить свою судьбу, хватаясь не за соломинку романтических грез, а за реальный железный гриф штанги. И они торопились! Наконец, друзья очутились в маленьком полуподвальном помещении, в котором едва помещался теннисный стол и деревянный помост для тренировок со штангой, под окном возле помоста на железных стрелках помещался набор дисков для олимпийской штанги в 240кг. Двое матросов играли в теннис, а трое крепко сложенных амбалов в тельняшках безуспешно пытались взять на грудь штангу весом в 65 кг. Приятели, быстро раздевшись до спортивных костюмов, босиком ринулись на помост. В это время мускулистый матрос с волевым лицом закинул было на грудь железный снаряд, помогая себя громким криком, но, не успев вовремя сделать полуподсед, уронил его с грохотом на помост. Потом он повернулся к новичкам со смешинкой в глазах.

– Будете разминаться, парни, или вес для вас смешной и разминки не требуется?

Отвечал Юрка, как более форсистый и нахальный.

– Вес смешной, будем толкать без разминки!

Матрос обиделся.

– Это получается что мы слабаки, если не можем поднять такой совсем смешной вес?

Неожиданно для себя обнаглел и Павлюков.

– Получается, что с сегодняшнего дня все по сравнению с нами должны становиться слабаками. Потому что мы члены клуба богатырей с этой минуты.

– Ах, вот как! Бойцы, давайте посидим, посмотрим, как богатыри покоряют железо, поучимся!

Разумеется, сказано это было с иронией. Хотя юные нахалы уже три года занимались гантельной гимнастикой и гирями, но в дешевых мешковатых спортивных костюмах, которые они носили вместо нижнего белья, они не выглядели богатырями. У худощавого Юрия при росте 173 весившего всего 63кг были железные рельефные мышцы, но в настоящий момент он казался просто хиловатым, а очки это впечатление укрепляли. Широкоплечий с выпуклой грудью Степан выглядел покрепче, но чрезмерно тонкая талия и худощавые ноги в сочетании с диоптрическими очками тоже оставляли сомнения в успешности его подхода к стоявшей на **помосте** штанге весом 65 кг. Служивые готовились посмеяться от души над незрелыми хвастунами. Юрка подошел к снаряду, взялся за гриф, сел на корточки и сделал несколько движений на растяжку, подражая именитым штангистам. Он покраснел, это было признаком его боевого задора. Резким движением он дернул вес на грудь, штанга покорно легла у него на груди. Поймав момент, когда вибрирующие диски устремились вверх, атлет резко вытолкнул снаряд на вытянутые руки, его повело, но, добежав до края помоста, он остановился. Матросы переглянулись, а когда Степан поднял штангу легко как палку, уже не удивлялись. А Павлюков сам себе удивился и штанге, которая, казалось, не имела тяжести, лишь оказывала сопротивление подобное предмету, привязанному к полу амортизатором. Потом, поднимая штангу многие годы, Павлюков постоянно поражался этому ощущению. Это был волшебный снаряд, затмивший гантели и гири, которые давали ощущение тяжести и напряженной борьбы с ней. Штанга не поднималась дрожащими от напряжения руками, она вылетала на грудь и вытянутые руки, ее не нужно поднимать как тяжелый мешок или гирию, ее нужно дергать, вырывать, выталкивать и наслаждаться своим могуществом при этом, своей прыгучестью, резкостью и где-то даже наглостью. Пока Степан под уважительными взглядами матросов переваривал свои новые ощущения и приходил к сознанию, что он влюбился в этот волшебный снаряд, Степашкин добавил 5 кг и швунганул 70кг. Павлюков поднял без напряжения 75, Юрию этот вес не под-

дался. Степан посмотрел на него с удивлением, так как его не покидало ощущение, что диски набиты воздухом, что они не тяжести поднимают, а делают фокусы. Он поставил на штангу 80кг, взялся за гриф и был готов испытать то же самое ощущение, что в и предыдущих двух подходах. Но штанга не поддавалась и упала на помост. Но и в неудачном подходе он не почувствовал тяжести, только сопротивление. Матросы стали его отговаривать от дальнейших попыток, что, мол, и так здорово, в первый раз в жизни подошел к снаряду в 14 лет и сразу толкнул 75кг! Но Павлюков вспомнил кадры из киножурнала, где Юрий Власов и другие атлеты берут штангу на грудь в низкий сед. Он схватился судорожно за гриф и дернувшись вверх, резко упал в низкий сед, штанга оказалась на груди и... Впервые дала ощущение огромной тяжести, нужно было встать из подседа, но ноги не тянули, не хватало силы в худых бедрах, но и бросать вес не хотелось!

Но это уже была настоящая тяжесть, которая давила все сильнее и сильнее, бороться с ней становилось опасно, но Степан не хотел сдаваться, он вставал, в глазах потемнело, не хватало воздуха, но он вставал, оглашая зал громким криком. Кричали и матросы, и Степашкин: «Вставай! Вставай!». Вот для чего нужны сильные толстые мускулистые ноги, которых у них с Юркой пока не было. Вот он уже стоит, чуть отдышался и толкнул железку. Есть! Хотя толкнул коряво, и водить стало по помосту, и была опасность сильно травмироваться, но удержал и был на седьмом небе от радости. Слава Богу, хватило разума у обоих прекратить поползновения поднять еще больше, иначе дебют нашим богатырям мог бы дорого обойтись. С этого дня железная игра прочно вошла в их жизнь. Они достали старенькую книжонку «Подготовка современного тяжелоатлета» Богдасарова (тренера Юрия Власова) и приступили к трехразовым тренировкам в неделю по типовым планам. Рывок в полуподсед, рывок в ножницы, тяги рывковые, толчковые, швунги жимовые и толчковые, жим, рывок, толчок, но особенно уделили внимание приседаниям со штангой на груди и спине. По мере того как «толстели» ноги и осваивались азы техники результаты росли как на дрожжах. К лету они приседали по шесть раз с весом 110кг. Степан выжал 85кг, вырвал 80кг и толкнул 110кг, выполнив третий взрослый разряд, а Юрий соответственно 75, 70 и 95кг. Десятый класс они заканчивали с рекордами Северного флота в жиме: Степан при собственном весе 82 кг выжал 120кг, а Юрий при весе 67кг, выжал 90кг, оба в сумме троеборья выполнили первый спортивный разряд, хотя в динамических движениях рывок и толчок они значительно отставали: как самоучки, не могли овладеть хорошей техникой. Зато силы набрали вагон! И приобрели оба необычайно красивое телосложение. Слово свое сдержали, богатырями стали, но Юрка постепенно охладел к этому виду спорта, а Степан наоборот зафанател и решил стать чемпионом мира!

Глава 5. Поиски смысла

Во время досуга его всегда мучил вопрос о смысле жизни, так как он интуитивно чувствовал, что этот вопрос советской школьной дидактикой решался примитивно, не выдерживая самой поверхностной критики пытливого разума. Решил поступать с Ленинградский университет на философский факультет, хотя для выпускника без стажа поступить туда было практически невозможно. Но перворазряднику по тяжелой атлетике заведующий спортивной кафедрой помог успешно преодолеть и этот барьер. Штангисты были в моде в те времена, в фаворе. Павлюков был полон самых радужных надежд, все мечты сбываются: он студент философского факультета, имеет койку в общежитии, тренера и большой специализированный зал тяжелой атлетики. Но жизнь оказалась сложнее. Тренер оказался примитивным ремесленником, хотя и помог немного в освоении современной техники рывка и подъема на грудь в низкий сед, но на вопрос: «Как построить тренировочную программу, чтобы стать чемпионом мира?», – психанул: «Стань сначала мастером спорта, потом толкуй о чемпионстве. Просто нужно заниматься, как все, приходить и поднимать. Незачем мудрить! И вряд ли из тебя чемпион получится, фигура у тебя какая-то не тяжелоатлетическая, на пловца ты больше похож или на легкоатлета десятиборца, а мастером каждый может стать, без всяких премудростей! Поднимать нужно и питаться хорошо!» Степан смотрел на его коренастую фигуру, с толстыми ягодицами, бедрами галифе, покатыми плечами и думал: «Вот такую фигуру как у тебя, я точно не хочу иметь! Юрий Власов тоже не похож был на тяжеловесов-штангистов фигурой, но выигрывал у всех, потому что тренер у него был настоящий: и телом красивым, и с мудрыми тренировочными методами!» Но лицо тренера, с мохнатыми черными бровями, колючими глазками и тонкими губками, выражало такую уверенность в своей правоте, что Павлюков невольно с ним согласился. На самом деле, может быть и правда не стоит мудрить, тренироваться просто как все до мастера, а там найти другого тренера. Но прошел год, а результаты росли так медленно, что можно было считать, что не росли совсем. Он подтянул немного рывок и толчок, но в жиме потерял 7кг, и не только до мастера было далеко, но и до кандидата в мастера не хватало 15кг в троеборье.

– Леонид Михайлович! Просто занимаюсь, результаты растут слабо. Что можно сделать?

– Какие результаты?! Приходишь три раза в неделю, это только для поддержки формы. Чтобы расти нужно пять, шесть раз в неделю тренироваться, а некоторые делают и две тренировки в день. Вон Смирнов был слабее тебя год назад, а теперь установил мировой рекорд среди юниоров! Тренируется 9раз в неделю!

– Но в учебниках написано, что нужно тренироваться три раза в неделю, иначе не успеешь восстанавливаться, мышцам отдых нужен.

– Устарели твои учебники, медицина вперед шагнула. Пойди в аптеку купи, неробол, будешь восстанавливаться быстрее.

– Что такое неробол, это допинг?

– Какой допинг, чудак! Это средство для дистрофиков, усиливает расщепление белка, мышцы быстрее растут. Это вроде витаминов, безобидная пищевая добавка.

Купил Павлюков неробол, стал его принимать как дистрофик и ежедневно ходить на тренировки. Уставать на самом деле стал меньше, нагрузки переносились намного легче, но возникла одна интимная проблема. У него от природы была очень сильная половая конституция, но после приема препарата половое влечение превратилось в настоящее наваждение. Его половой орган начал становиться в боевую стойку в самые неподходящие моменты: в университетской библиотеке, в транспорте, на улице, в магазине, в столовой, где угодно! На танцевальных вечерах ему приходилось прекращать танец и отводить партнершу на место под самыми нелепыми предлогами, чтобы не допустить эякуляцию и не опозориться перед всем залом. Когда

он ехал в переполненном троллейбусе, и его прижимало к женщине, приходилось выскакивать на ближайшей остановке по той же причине. Еще хуже было то, что у него возникало почти непреодолимое желание хватать встречных или впереди идущих женщин за ягодицы, груди и бросающиеся назойливо в глаза трехугольники между ног. Он буквально сходил с ума, чтобы держаться в рамках приличного социального поведения. Но через три месяца он набрал 82кг чистых сухих мышц и выполнил норматив кмс в среднем весе! Чем все это закончилось бы неизвестно, но его разочаровал философский факультет, с его культом Гегеля, Фейербаха и Маркса, которые приводили его душу в мрачное уныние. Противны его духу были они все, хотя причины этого ему сформулировать в четкие мысли не удавалось. Они подавляли его душу своим преклонением перед необходимостью. Формула «свободы как осознанной необходимости» приводила Павлюкова в бешенство и уводила далеко от чаемого поиска смысла жизни. Возникло желание уйти подальше от философии, которая производила впечатление пустой игры смыслами, напоминая о древних софистах. Про себя он так и подумал, что никакая это не любовь к мудрости, а элементарная софистика! Кроме того стала надоедать голодная жизнь студента, которая мешала карьере тяжелоатлета и хотелось сменить тренера.

Павлюкову стало скучно в университете, после того как он успел спросить у всех профессоров, доцентов и старшекурсников: «В чем смысл жизни?» Ответы поразили его своей неосновательной глупостью: «Работать для счастья будущих поколений, строить коммунизм, в познании законов природы и общества, в самосовершенствовании и т.п.» Для него, думающим над этим вопросом с ранних лет, ответы выглядели если не детскими, то инфантильными точно. Некоторые говорили, что смысл жизни в том, чтобы стать настоящим человеком. Это звучало глубже, но вставал вопрос, что такое есть человек! На этот вопрос следовали уже не детские ответы, не инфантильные, а нарочито запутанные, сложные, напоминающие математические формулы и не убедительные для Павлюкова.

На первенстве Ленинграда Степан познакомился с мастером спорта токарем-карусельщиком Ижорского завода, которому требовался крепкий подручный на огромный карусельный станок: 200рублей зарплата, общежитие и спортклуб «Колпино» с великолепным залом штанги, с играющим тренером, рекордсменом мира в рывке в первом тяжелом весе Иваном Хрульковым. Принял решение сразу – из университета нужно уходить! Завалил весеннюю сессию и через месяц переехал в Колпино и, снявшись с учета в военкомате, ускользнул от майского призыва в армию. Это давало время и возможность, выполнив норматив мастера спорта, попасть в СКА Ленинграда со всеми вытекающими приятными последствиями. Но история эта закончилась по-другому. Иван Хрульков оказался честным человеком и рассказал своему новому ученику, что такое неробол и другие анаболики. Рассказал, что он сам в 35 лет, имея молодую красивую жену, супружеские обязанности выполнять не мог, поэтому пришлось лечиться. Но жена его бросила, начал пить, однажды напившись, упал с платформы под электричку и остался без руки. Павлюкова шокировало, когда на матчевой встрече Ленинград-Белоруссия судья информатор почему-то объявил, что судья на помосте – Иван Хрульков, рекордсмен мира в первом тяжелом весе в рывке двумя руками. Он так смачно произнес последнюю фразу, что белорусские гости с изумлением посмотрели на пустой рукав на месте левой руки широкоплечего богатыря.

Такова цена мировых рекордов для многих. Хрульков поставил свой диагноз и Степану, который заключался в том, что у него нет сверх выдающихся данных для тяжелой атлетики, и без анаболиков рекорды ему не светят. Это был удар молотком по голове для Павлюкова. У него нет данных!!!!

– А если я вам назло докажу обратное и стану рекордсменом мира, как вы? – задиристо сопротивлялся он.

– Я шапку перед тобой сниму в этом случае!

Он целый месяц находился в мучительных раздумьях: «Быть или не быть!» Быть чемпионом мира это: слава, поездки по всему миру, денежные премии за рекорды, воплощенные в жизнь мечты! Не быть, значит все начинать в жизни сначала, отслужив в армии, но не ставить под угрозу свою мужскую силу, иметь семью и здоровых детей. В конце концов, он принял разумное решение и разочаровался в тяжелой атлетике. Так была убита мечта Степана Павлюкова, пойти по стопам Юрия Власова. Но два легендарных Юрия сумели сыграть важные роли в его судьбе.

А вот вопрос о смысле жизни повис в воздухе. Попалась где-то фраза в журнале, что Лев Толстой считал смыслом жизни процесс самоусовершенствования. Сразу вспомнился лозунг о новом советском человеке, «который совмещает в себе физическое совершенство, духовное богатство и моральную чистоту». Хорошие задачи, но для чего, если неумолимо нагрянет старость и смерть, если не придет смерть до старости. И все!!! Зрело решение уйти в нормальную армию, а не в спортроту, но решил посоветоваться и навестил в Пушкине своего дядю, младшего брата матери, Александра Степановича Смирнова, инженера-газовика, гиревика обладателя замечательной мускулистой фигуры. Татьяна Степановна, мать Степана, всегда говорила, что он похож на ее брата, что заставляло его ему подражать. Дядя Саша был человек отчаянный и самоотверженный, всегда встревал во все драки, разнимая драчунов, поднимал целину, строил газопровод, чинил технику соседям, давал всем займы без отдачи на опохмелку, утешал лаской несчастных разведенных женщин, играл на баяне на свадьбах, потерял глаз, спасая пацанов, игравшихся где-то найденной боевой гранатой. А пять лет назад на перекладных прилетел в Луостари-Новое с мешком за спиной, в котором была двухпудовая гиря, полтора пудовая и двенадцати килограммовые гантели в подарок племяннику к тринадцатилетию!

Степан вбежал по лестнице на третий этаж и не успел позвонить в дверь, как она открылась, и на пороге показался ласково улыбающийся дядя Саша. Степан никогда в жизни не встречал человека, умеющего так согреть улыбкой. Перед ним стоял по пояс раздетый рослый крупно мускулистый мужик с суровым лицом, со стеклянным глазом, со шрамом на щеке, как две капли воды похожий на артиста Урбанского, и улыбался как улыбалась бабушка Зина, сидящая возле сепаратора и угощающая пятилетнего Степку стаканом свежих сливок!

– А я тебя из окна увидел, над чаем колдую по рецепту твоего отца. Заходи, прими экзамен! Скажешь честно, насколько хорошо мой чай! Мне лично кажется, что я твоего батю в этом деле превзошел. Я вот холостякую, жена с сыном в санаторий уехала на 24 дня.

– А сколько сортов чая намешали? Краснодарского сколько щепоток?

– Все как положено, только грузинского я достал не высший сорт, а «Экстра», на него и рассчитываю! А к чаю у меня сюрприз, от бабы Зины!

– Неужели пампушки? Она мне всегда грозила, что придет с мешком своих волшебных пампушек, когда вырасту и буду студентом, прямо в университет! Я страшно этого боялся.

– Разлюбил пампушки бабушкины?

– Разве есть что-то вкуснее ее пампушек? Просто неудобно как-то перед сокурсниками. Бабушка с мешком пампушек в университете.

Дядя Саша засмеялся, вновь преображая свое суровое лицо в ласковое.

– А дядя с мешком гирь, тебя не шокировал в свое время, конечно! Витька Баранов, сосед наш деревенский, шофер-дальнобойщик был вчера вечером проездом и передал посылочку от бабы Зины.

Разливая душистый чай по стаканам с вагонными железными подстаканниками, раскладывая пампушки по тарелкам, и, подсыпая в чай ровно по две ложечки сахара, по семейной традиции, Александр Степанович бросал время от времени испытывающие взгляды на племянника. По лицу Степана было видно, что в нем зреет какое-то судьбоносное решение и что нуждается в совете.

– Как дела в университете и спорте?

– Плохо. Бросил университет, работаю на Ижорском заводе и решил бросить тяжелую атлетику пойти в армию, разочаровался в марксистской философии, но и Гегель с Феембахом не вдохновляют. Предлагаемые ими решения вопроса о смысле жизни меня тяготят, вызывают страх и протест. В спорте тоже, оказывается, без химии далеко не уедешь. Хожу, как в воду опущенный, потерял все цели в жизни.

Дядя Саша просиял.

– Молодец! – Он разрезал пампушку пополам, помазал в середине сливочным маслом и смородиновым вареньем и протянул племяннику, – вот тебе приз за это!

Пампушка напоминала формой обыкновенную маленькую булочку, но была желтоватого от домашних яиц цвета и обладала непередаваемым вкусом, который в сочетании с пахучим густым крепким чаем возрождает в памяти свежие сливки, деревенский хлеб из печи и сотовый свежий мед. На короткое время Степан окунулся в детство и молчал, наслаждаясь этими воспоминаниями, и чаем с любимыми с малолетства пампушками. Александр Степанович тоже впал в ностальгическое состояние, вспоминая, как в шестнадцать лет удрал из родительского дома на целину. Они молчали несколько минут, сосредоточенные на своих воспоминаниях. Наконец Степан спросил.

– Вы радуетесь, что я бросил университет, штангу и потерял все цели в жизни?

– Я радуюсь, тому, что ты имеешь волю принимать нужные решения. Ты хотел, чтобы тебя в восемнадцать лет сделали философом на кафедре научного коммунизма? А мне видится, что философом можно стать лишь в зрелом возрасте, набив шишек, лишившись щенячьей спеси. А на кафедре растят не философов, а партийных функционеров и пропагандистов. Из человека искренней павлюковской породы такого фрукта-ханжи не получится. А штангу ты не бросишь, ее не бросают, это образ жизни. До конца своего века мы с тобой будем поднимать тяжести! А цель я могу тебе нарисовать сразу. Что еще осталось? Со смыслом жизни мы не определились? Так еще, может быть, время есть, жить только начинаешь. Мне тридцать три, возраст Христа, а думать о смысле жизни все не нахожу времени. Только не говори своей матери, что я тебя поддержал в твоем судьбоносном решении, иначе она меня съест. Спит и видит тебя Генеральным Секретарем КПСС, не понимает, что это не твоя стезя.

– А какова моя стезя?

– Ты сам должен найти себе дорогу. Но пока, я считаю, тебе нужно отслужить в армии и поступить в институт физкультуры. Ты сам достиг физического совершенства, помоги другим. Это очень важно – делиться самым лучшим, что у тебя есть. Физическая культура, здоровье, красота тела – это фундамент для счастливой интересной жизни, абсолютно для всех! Посмотри, как люди выбирают себе одежду в магазинах, крутятся перед зеркалом, чтобы казаться стройней и красивей. Прикинуться это называется. А Маяковский сказал просто: «Нет лучше одежды, чем бронза мускулов!» Нужно не прикидываться, а быть. Учить этому – благородная задача!

– Учителем физкультуры работать не интересно. А тренером, пожалуй, да. Но спорт современный вырождается, стоит на допинге, рекорд, победа становятся самоцелью, а не дорогой к здоровью и физическому совершенству.

Возражал неуверенно Степан, но дядя Саша его оборвал.

– А ты плыви против течения, придумай, как по-своему сделать. Найди свои рецепты!

– А почему я не смогу стать партийным деятелем и плыть против течения?

Александр Степанович нахмурился и заиграл желваками.

– Я не хочу тебя морочить своими политическими взглядами, да не нужно тебе это, по крайней мере, рано. Я крестьянский сын, поэтому коммунистов не люблю. Не буду углубляться, скажу лишь, что они называют себя слугами народа, а сами народ считают своими слугами. В партию меня пытаются давно затащить, отказываюсь. Говорю, я сочувствующий,

но до партии не созрел еще. Давай не будем подробно об этом! Прошу тебя только, не лезь туда, держись в стороне!

– Вы как дед Степа, не верите в коммунизм?

– Не верю! Но социализм уважаю. Уважаю и идею воспитания человека, совмещающего в себе физическое совершенство, духовное богатство и моральную чистоту. Вот и тебе предлагаю этим заняться, пока не найдешь свой философский камень.

– Может быть, вы и в бога верите как безграмотная моя баба Зина?

– Нет, как мои родители верить не умею, но им завидую. И я не считаю себя умней их, я обыкновенный рабфаковец-инженер и если не от сохи, так от тракторного прицепа. Посмотрим, во что ты будешь верить, через десять лет! А пока служи, там тебя от эгоизма чуть-чуть подлечат и...

Степан его перебил.

– Влиятельный вы человек, дядя Саша! Так на меня повлияли, что мне не терпится бежать в военкомат, отслужить два года и поступить в физкультурный! Все колебания ушли!

Александр рассмеялся.

– Только матери своей не говори, что это я тебе посоветовал, она меня убьет! Помню, как мне досталось от нее за то, что научил тебя с девушками знакомиться. Говорит: «Разврату учишь моего сына!»

Через год после этого разговора, младший сержант войск специального назначения, командир отделения радиоперехвата ГРУ, Степан Павлюков, зашел в ленинскую комнату и наткнулся на статью в Советском спорте о рекордсмене мира по тяжелой атлетике Павле Первушине, который учился в Военном институте физической культуры в Ленинграде. Оказывается, после года службы туда можно поступать. Перед глазами встал город на Неве со всеми его благами и красотами. Конкурс был сто человек на место, так институт был приравнен к военной академии и туда поступали не только солдаты и школьники, но и офицеры, желавшие ускорить продвижение по службе, но мотивация у Павлюкова была такая сильная, что все барьеры были преодолены и он переделался из армейской в курсантскую шинель! Но перенесем на несколько лет вперед, в бассейн «Строитель» треста Коммунарскстрой.

Главах6 Мечты и личная жизнь.

Постепенно зрела мечта, проявить себя в жизни как великий тренер в плавании, где, как ему казалось, никаких допингов не требуется. Чистый и благородный вид спорта, для белых людей! Стас после соревнований опять ушел в загул, а его ученики, Степана за тренера не признавали и не слушались, поэтому он стал набирать свою спортивную группу. При этом, молодой тренер понятия не имел о системе отбора юных пловцов. Правда, он штудировал книгу американского тренера Каунсилмена, подаренную ему Стасом, но специфика американской системы спортивного плавания не имела ничего общего с советской реальностью. Он брал всех подряд, кто хотел заниматься плаванием, не только не обращая внимания на способности, но и на возраст новичков. Естественно, что такой подход не сулил мировой или хотя бы всесоюзной тренерской славы, но Степан Павлюков об этом не догадывался и говорил родителям, на смех: «Я буду лучшим тренером Европы!» Отец ехидно спрашивал:

– Почему не в мировом масштабе?

– Не потяну, американцы непобедимы! – книга Каунсилмена показала ясно, что американская система спортивного плавания недостижима, что ограничивало его амбиции до европейского уровня.

– Необычайное смирение, не ожидала от тебя. Подумаешь – лучший тренер какой-то там Европы! — шутила мать, подливая ему в тарелку суп. Потом она махнула рукой: «Борис Григорьевич, разрешаю по сто грамм, выпьем за лучшего тренера вселенной!»

– Европы, только Европы, дорогая Татьяна Степановна, поэтому предлагаю выпить по сто пятьдесят, за нашего скромного сына! – При этом умудрился налить себе и Степану по двести грамм! Степан опьянел, но не сильно, а в самый раз, в этой стадии любишь весь мир, а в двадцать лет и ясно видишь свое блестящее будущее.

– -Вы смеетесь надо мной зря. Мой европейский триумф неизбежен как победа коммунизма во всем мире!

Читатель, наверное, уже догадался, что мой герой врать не умел, в том смысле, что все что привирал, обязательно воплощал в жизнь!

Если родители посмеялись по-семейному, добрым смехом, то другие, услышав бахвальство «лучшего тренера Европы» превратили его в посмешище... Стас как старший товарищ и тренер пытался сначала вразумить выскочку рациональными логическими построениями: «Во-первых, тебе, штангисту-недоучке, потребуется лет двадцать стажа, чтобы стать просто опытным тренером по плаванию. Во-вторых, в бассейне треста Коммунарскстрой нет условий для подготовки пловцов высокого класса. В-третьих, в стране работают тысячи квалифицированных тренеров, с какой стати ты окажешься сильнее их? В-четвертых, с твоим характером и бахвальством тебя просто напросто сожрут еще на областном уровне! В-пятых, и это самое главное, ты, со своей прострелянной рукой, не поступишь в институт физкультуры, так как там очень высокие вступительные требования по общефизической подготовке, а без диплома в серьезную спортивную школу тебя не возьмут!» Павлюков его внимательно слушал и не спорил, но думал по-своему: «За год стану толковым тренером, специалисты страны окажутся позади, если нет условий здесь, буду работать в другом месте, диплом получу, чтобы это мне не стоило, подавятся, не сожрут никогда Степана Павлюкова!»

Следовало бы сказать несколько слов о внешности моего героя в то время. Прошло всего четыре года с того времени, когда он вошел в набитое битком купе местного поезда Мурманск-Никель и был шокирован тем, что все эти люди внимательно слушают сослуживца его отца, старшего лейтенанта Лобова, рассказывающего как покорила всех женщин гарнизона удивительная красота семнадцатилетнего Степана Павлюкова. Прошло всего три года с тех пор, как обнаженный атлет, чемпион Ленинграда по тяжелой атлетике среди юношей Степан Павлюков, стоял на возвышении в качестве натурщика в Академии художеств, а седой профессор ругал студентов: «Что вы лепите? Вам дали натуру такой красоты и совершенства, перед которой Поликлетовский Дорифор – замурышка, а вы лепите из него мускулистого пролетария с плаката! Посмотрите на него, это живой шедевр. Да если бы у меня была такая внешность, я никогда бы не стал профессором!» Степан до сих пор ломал голову над загадкой, кем бы стал профессор, если бы... Прошло два года с тех пор, как курсант Военного института физкультуры Степан Павлюков, в ладно пригнанной форме, косая сажень в плечах, гордо вышагивал по перрону Московского вокзала под восхищенные возгласы иностранок его фотографирующих: «О русс офицер, гуд, прек-rrr-асный!» После ранения и госпиталя тело потеряло пропорциональность, и упорные занятия плаванием еще не полностью компенсировали атрофию мышц правого плечевого пояса, он стал немного сутулиться, волосы поредели, в глазах проглядывала неуверенность, одежда с отцовского плеча сидела мешковато, походка стала суетливой. Можно было и нужно было постричь покороче поредевшие волосы, чтобы кудряшки на бакенбардах не подчеркивали залысины на лбу и начинающуюся раннюю плешь на затылке, можно было купить одежду по-лучше и помоднее и, как «лучшему тренеру Европы», иметь гордую осанку и твердую поступь победителя, но драматические зигзаги судьбы немного выбили его из колеи. Кроме того, имея оклад лишь восемьдесят рублей, он, из-за своей щепетильности, не смел просить деньги у родителей на хорошего парикмахера и портного, тем более потребовать себе джинсы за двести рублей. Тем не менее, он себя видел по-прежнему ярким красавцем, в то время как со стороны выглядел почти невзрачным тридцатилетним неудачником. И этот чудак твердил, что будет готовить чемпионов Европы? Людям было смешно!

В конце осени в жизни молодого тренера произошло событие: он скоропостижно женился! Как инвалид войны он мог получить квартиру, поэтому отправился в инвентарбюро получать справку о том, что у него нет планов на постройку домостроения. Перед студенткой-заочницей Харьковского юридического института Людмилой Крамаренко предстал застенчивый интеллигент в помятой шляпе, коротеньком плащике и делающий отчаянные попытки выглядеть бравым остряком и ловеласом: «Девушка, дайте мне справку, что у меня нет никаких идей». Она тоже произвела на него, на самом деле хоть и не остряка, но отчаянного донжуана, противоречивое впечатление: худенькая, с обесцвеченными волосами, которые зрительно еще сильнее удлинляли ее и так длинноватый нос, но прекрасно сложенная и с огромными темными глазами мадонны. «Какая чистая и добрая душа у этого Буратино!», – подумал Степан и ему стало, вдруг, стыдно перед родителями, что у него нет девушки. В том смысле, что он серьезно ни с кем не встречается, а имеет любовные романы с тридцатилетними разведенками. А перед ним сидела не только серьезная девушка, но и человек, на лице которого было написано: не предаст! Интуиция ему подсказывала, что лучшего человека он не встретит никогда в жизни! А она тем временем выписывала справку.

– Как вас зовут?!

– Людмила! А вас Степан, – она улыбнулась, как сестра...

– Напишите еще свой телефон! – голос его предательски дрожал.

– У нас общий телефон! – она покраснела, а он вообще запылал, воспринимая ее ответ как отказ.

– У вас есть жених!? – он спрашивал таким тоном, будто изобличал ее в самом страшном преступлении.

– Да... Но... А зачем вы спрашиваете?

Степан не ответил, деревянными руками взял справку и был таков.

Он испытывал досаду. Как это так: первый раз в жизни встретил такого человека и отказ. Ему не приходило в голову, что может быть этот хороший человек не для него, что может быть он может испортить ему жизнь. Нет! Хороший – значит мой! И вдруг его осенило: «А может быть, не было отказа? Может быть, с женихом не ладится, может быть, там любовь лишь со стороны ухажера, иначе чтобы значило это, но. И: „Телефон у нас общий“? Может быть, это значит, что телефона дома у нее нет, а телефон инвентарбюро я сам знаю, просто он общий и говорить нужно по нему только официально. Этим мы и воспользуемся коварно!» Достав две копейки, он подскочил к таксофону: «Это инвентарбюро? Люда, завтра суббота, давайте сходим в кино, я буду ждать вас в час дня возле шпилья! Вы придете!?»

– Да, спасибо, приду! – и раздалась гудки. Сработало! Она, в присутствии сотрудниц, постеснялась спорить и теперь обязательно придет, так как дала слово!

На следующий день он догадался подстричь усы, сбрить бакенбарды и заменить короткий помятый болоньевый плащ длинным отцовским офицерским кожаным пальто. Подошел к зеркалу и решил, что стал, почти, похож на супермена. Потом тщательным пробороном замаскировал все залысины и плешь, обильно побрызгал получившуюся довольно пышную прическу лаком для волос, а шляпу беспечно и опрометчиво закинул на шифоньер... Действовал Степан инстинктивно, не ведая, что таким образом может спугнуть свое счастье. Без пятнадцати час он уже вышагивал вокруг шпилья, почти уверенный в своей неотразимости. Шли минуты, дул холодный ноябрьский ветер, минуты сложились в целый час, стало холодно, тоскливо и понятно, что давно пора уходить! Степан Павлюков, в свое время, самый красивый мужчина города-героя Ленинграда, (таковым он по крайней мере считал себя сам) никогда не ждал девушек больше семи минут... Что с ним? Почему болтается целый час возле шпилья замерзший, без шляпы, с красными от досады ушами? Он весь превратился в ожидание с ярко выраженными шизофреническими реакциями, каждая проходящая девушка казалась Людмилой, а каждый мужчина виделся ее женихом, приближающимся к нему с намерением вклеить опле-

уху. Билеты в кинотеатр уже выброшены в урну, уже почти грела мысль вернуться домой, пить горячий чай с маминым печеньем и признаваться родителям, что настоящая любовь к нему никогда не придет, уже и слезы наворачивались на глаза, и разбирал истерический смех и тупое равнодушие охватывало...

А Людмила не приходила, хотя обещала, хотя не могла не прийти! Неужели он ошибся в ней? И вдруг Степан Павлюков почувствовал, что время остановилось, что его нет вообще. Как комсомолец-атеист он еще не мог знать, что у Бога нет времени, поэтому это ощущение казалось ему странным. Он уже не спрашивал себя, почему он не уходит и стоит здесь полтора часа: внизу справа стоял парк с остановившимся чертовым колесом, перед ним гордо высился и белел своими колонами Дом культуры металлургов. Уже выходили люди из него после просмотра кинофильма, на который он пригласил Людмилу, слева на кольцевой остановке одна за одной останавливались троллейбусы, и из каждого вот-вот должна была выйти Людмила, но она не выходила, но приходил другой троллейбус, и она должна была оттуда выйти! Она не выходит? Ну и что? Она обязательно выйдет! Полтора часа прошло или полтора тысячелетия и сколько еще пройдет, какая разница. Люди выходили и уходили после киносеанса, но приходят другие на другой киносеанс. Он никогда не ждал больше семи минут девушек, был самым красивым парнем в Ленинграде? Может быть, он сам себя таковым назначил, опираясь лишь на мнение нескольких человек, из миллионов жителей огромного города на Неве, и сам себе придумал эту сомнительную игру: считать себя нарциссом, не умеющим ждать более семи минут. Вера и надежда сильнее времени, а он точно знал, что Людмила не могла его обмануть, никогда: ни тысячу лет назад, ни через двадцать лет, ни сегодня, поэтому плевать на здравый смысл и логическое мышление, которые вынесли свой вердикт: «Не придет!» Он даже не удивился, когда перед ним выросла долгожданная Людмила и задала глупый, на первый взгляд, вопрос: «Я не сильно задержалась?»

– Нет, не опоздала! – улыбнулся Степан и взял ее за руку.

– Я пришла ровно в час, но увидела тебя в этом плаще, такого яркого самоуверенного неотразимого, экспрессивного, похожего на Боярского, и испугалась. Сбежала домой. Потом возвращалась, смотрела на тебя издалека и снова сбегала.

– Но я хотел понравиться тебе!

– И напугал. Свидание мне назначал, совсем другой человек: скромный и застенчивый.

– Почему все-таки пришла?

– Не поймешь, рано говорить об этом...

Как она могла сказать ему, что мелькнула у нее перед глазами вся их будущая совместная, трудная для нее жизнь: его измены, яркая профессиональная карьера, неудержимость и гонения от власть имущих, которые предстояло им пережить. Но она отмахнулась от этого: «От судьбы не уйдешь, буду бороться за этого пропавшего и... Такого магически притягательного человека!» Сходили в кино несколько раз, сходили в гости к друг другу, Людмила покорила отца и мать, а сам Степан убедился, что лучше человека он не встретит никогда в жизни, но страсти не было и внешне она казалась ему заурядной. Сделал предложение, закатили свадьбу как положено, а он, всерьез злился, когда по обычаю воровали невесту и почему-то просил отца ехать домой. Когда вышли из ЗАГСа и сели в Волгу, Степан, вдруг, увидел, что жена у него самая настоящая красавица, фата закрывала обесцвеченные волосы и нос уже не казался длинным, а в глазах можно было утонуть. Но страсти не было...

Глава 7 Грустная первая брачная ночь.

Почему часто судьба сводит людей, которым на первый взгляд стоило бы как можно дальше держаться друг от друга. Почему бы Людмиле Крамаренко не выйти было замуж за своего жениха, Александра, военкоматовского старшего лейтенанта, влюбленного, порядочного и обходительного, не позволявшего себе никаких вольностей за целый год встреч? Почему он ей казался пресным, скучным, а главное, не притягательным и волнующим кровь? Они были

так похожи друг на друга, как брат и сестра из благородной дворянской семьи! А Степан? Уже на свадьбе, Людмила с ужасом отметила для себя, что ее будущий муж плохо воспитан, не сдержан и в некоторые моменты напоминает революционного матроса пролетарского происхождения. Она не могла понять, как это сочетается с благородной внешностью, начитанностью и обостренным чувством справедливости. В разгар свадьбы, когда жених стал строить глазки ее подругам, она в слезах забежала к себе в спальню и была готова сорвать с себя фату... И, вдруг, перед ней предстал седобородый мощный старец и сказал: «Это человек сильной воли, трудной судьбы и огромных способностей. Большой грешник и может пропасть! Это твой жребий его спасти!» Видение исчезло и невесте стало легче на душе. Брачная ночь не клеилась, трудности дефлорации двадцатидвухлетней девственницы злили молодого, он нервничал, терял нужную твердость и сваливал свою вину на «закрытую на замок» и неумелую жену. Под утро, он все-таки своего добился и уснул с чувством выполненного долга. А она не спала, обнимала его и была счастлива самим фактом свершившегося события и думала: «Все-таки здорово быть женщиной, любить и ощущать рядом мускулистое мужское тело!»

Когда Степан проснулся по армейской привычке в 6 утра, она заснула сладким утренним сном, похожая во сне на сказочную фею. Он с досадой вспоминал свое поведение на свадьбе и после, когда он всем своим видом хотел дать понять, что брак для него является институтом сомнительной ценности. Как он докатился до такой пошлости и хамства? Почему дал повод Людмиле сравнить себя с пролетарским матросом? Он закончил школу с похвальными грамотами по истории, литературе и языкам, написал выпускное сочинение лучшее в истории школы, был блестящим курсантом в военном институте физической культуры, свободно владел английским языком, имел любовную двухлетнюю связь с женщиной дворянского происхождения, доктором филологических наук, привившей ему вкус к лучшим произведениям мировой литературы, к прозе и поэзии... Как могла вползти к нему в душу плебейская простота хозяйственного мыла? Ранение резко изменило его социальный статус: блестящий курсант, с обеспеченным будущим, превратился в инвалида войны, без образования, приличной зарплаты, плохо одетого и потерявшего, пусть и частично, веру в себя. Ему бы остановиться и продолжить эти мысли до логического финала, но отвлекло старинное зеркало: там он увидел обнаженного ладно скроенного и крепко сшитого джентльмена, горбоносого с большими глубоко посаженными глазами и поднятой бровью. Степан подумал: «Красив бродяга! Ослепительно!» И досадные, но целительные мысли испарились... До времени! А пока он перебрался в дом к тестю и теще...

Глава 8. Первые соревнования

Степану Павлюкову было неудобно жить в частном доме с удобствами на улице, кроме того ни теща, ни жена не умели готовить пищу так вкусно, как его мама Татьяна Степановна. Но зато на работу в бассейн не нужно было ездить на троллейбусе, а надо было идти всего лишь десять минут пешком. В бассейне треста Коммунарскстрой он проработал всего лишь год. Настоящая тренерская работа начнется в другом бассейне другого города, поэтому своих первых учеников Степан не запомнил, они для него оказались лишь учебными пособиями. Он учился невероятно быстро, поглощая всю печатную продукцию по плаванию, которую мог достать. Тренировочные занятия и программы ему сначала приходилось просто сдирать из учебников и брошюр, но постепенно он научился делать свою собственную окрошку из тренировочных заданий и упражнений, вырабатывая свою собственную методику занятий. Иногда он наткнулся на такие трудности, которые казались непреодолимыми. Например, он сам «престарелый» самоучка-пловец очень плохо делал повороты кувырком и старты, и не знал как обучить им учеников. Это его беспокоило до слез. Но проблема решилась сама, когда весной они со Стасом повезли команду бассейна на первенство области ДСО «Авангард» среди юниоров. Его ученики, десятилетние шкеты и перерослые пятнадцатилетки, мгновенно как обезьянки скопировали старты и повороты у более опытных пловцов из других городов так, что на третий день соревнований к Павлюкову подошел тренер из Рубежного и похвалил: «Ты, молодец, старты и повороты поставил своим архаровцам отлично!»

Соревнования! Раз завели о них речь, стоит на них побывать! Будем считать, что они начались в кабинете директора спорткомплекса, который своим разбойничьим свистом с балкона вызвал Павлюкова, (которому такая манера приглашения уже начинала надоедать), к себе в кабинет.

– - Степа, найди и приведи живого или мертвого Стаса. Срочно!!!

– - Где его искать?

– - Спустись в биллиардную, сбегай на городошное поле и, в худшем случае, зайди в котельную... если бухает! – Колюжный грозно выкатил и без того выпуклые глаза и показал Павлюкову огромный кулак: «Если бухает без меня в котельной, я ему покажу, где раки зимуют!»

– - Я пошел сразу в котельную, в городки и бильярд он без вас не играет!

– Ты у меня еще поговори! – рассвирепел директор, но Степан уже поспешно ретировался, понимая, что наступил тому на любимый мозоль. Через пять минут они со Стасом, державшимся подозрительно прямо, сидели напротив торжественно насупленных директора и завуча. Колюжный дико вращал очами.

– — Товарищи, к нам пришло Положение о первенстве ДСО среди юниоров. Дим Димыч, вам слово!

Завуч Зощенко был трезв, как стеклышко, и по этой причине прост в общении.

– - Ну, что, парни, сами ознакомитесь с Положением чуть позже, а я о главном: соревнования пройдут в городе Ворошиловграде с 17 по 20 мая 1976 года, принимают участие спортсмены не старше 1959 года рождения, команда 10 человек и два тренера, зачет по второму разряду... – он хотел еще что-то сказать, но директор его перебил.

– - Что делать будем, Станислав Вадимович? Насколько мне известно, вы так допились, доигрались, что у нас только четверо могут выполнить нормативы второго разряда и сделать зачет. Что это значит?

– - Что это значит?! – спросил Стас с вызовом в голосе.

– - А это значит, дорогой мой старший тренер, что мы займем не третье место сзади, как в прошлом году, когда еще Скворцов не ушел в армию, а Самойлова не родила, а самое

последнее. И нас в тресте спросят ответственные товарищи: «За что вы деньги получаете? Разве мы вам не ставили задачу никогда не занимать последнего места, чтобы не привлекать к себе внимание контролирующих органов?»

Стас не отвечал, все молчали, и тишина становилась гнетущей. Гармонию тягостной коллективной задумчивости нарушала самодовольная улыбка Степана. Изумленный Колюжный ядовито спросил: «Ты что лыбишься, юноша? Думаешь, ты не полетишь вместе с нами вверх тормашками?»

– Да у меня есть мысль, и я ее думаю! Думаю, что кроме Стаса есть у нас еще тренерские кадры, например, я, собственной персоной, могу вас утешить всех грешных.

– И чем же ты, праведный, утетишь, кроме своей персоны?

– Я планирую на этих соревнованиях выполнение второго разряда своими учениками, в количестве четырех персон!

Больше всех удивился Стас

– Ты что с бодуна?

Но директор его одернул.

– Он не пьет в отличие от тебя, молодой человек!

– Скажу больше, предполагаю, что мы можем занять даже четвертое место сзади!

– Молодой человек, а не рано вам делать такие заявления?

– Забьем на бутылку армянского коньяка!

– Ну что же от коньяка армянского не откажемся!

– Откажитесь, уверяю вас!

Старые кадры неуверенно переглянулись, не зная, стоит ли, всерьез, воспринимать слова этого хвастунишки.

Плавание, пловцы! Где, как не на соревнованиях по плаванию, вы увидите столько прекрасных скульптурных тел: гибких, пластичных, космических! С каких планет эти юноши и девушки, стоящие перед прыжком воду на тумбочках бассейна, как на пьедесталах античных богов? Симфонию красоты этих божественных тел поют не только мускулы, которые великолепны именно тем, что не подавляют чудовищными пошлыми узлами раскаченного мяса как у бодибилдеров, отравленных анаболиками, а поют гимн торжеству гармонии и меры, когда даже решетки пресса только проглядывают, а не кичатся размером кубиков... Гимн совершенству человеческого тела завершают стройные ноги, узкие бедра, гордая объемность грудной клетки и лихой разворот широченных плеч! Судья на старте, праздничный, в белых брюках и рубашке, стреляет из пистолета, и атлеты, как птицы, взметнулись вверх, потом залетели в воду и поплыли, пластикой повторяющихся движений, соперничая с артистами балета. Но в балете, на сцене, только пластика, а в бассейне неторопливые движения тел, стрелами рассекающие воду, рождают еще и ощущение скорости и полета. Древние греки понимали космическую природу поэзии полетов стремительных могучих тел в водной среде в условиях полуневесомости. Они говорили с осуждением: «Он не умеет ни читать, ни плавать!» И все понимали, что речь идет о человеке, не обремененном культурой. На бортиках бассейнов люди в белых одеждах, люди двадцатого века, понимающие в этой космической музыке еще больше чем греки, они профессиональные дирижеры этого оркестра, судьи и тренеры! Зрители на трибунах слышат эту музыку, этот гимн под названием «Остановись, мгновение!». Они ощущают мистический характер происходящего на их глазах действия, поэтому это уже не просто зрители, это соучастники мистерии, вместе с пловцами, судьями и тренерами! Праздник красоты, движения и физической культуры человечества!

Степан Павлюков за девять месяцев работы в бассейне треста успел стать тренером средней квалификации, поэтому уже не был лишним на этом празднике жизни, но еще оставался зеленым салагой в тренерской среде. Да и квалификация его была лишена главного: понимания, что не каждый может стать хорошим пловцом, умения отбирать талантливых учеников,

обладающих врожденным чувством воды и делать это вовремя, то есть до десятилетнего возраста. Он пользовался, по неопытности, можно сказать, демократичным принципом комплектации спортивных групп, принимая всех, кто желал заниматься плаванием. О таком явлении как «чувство воды» он узнал позже, когда на первом курсе заочного факультета Киевского института физкультуры слушал лекции ректора Владимира Платонова. Ректор, в прошлом пловец, рассказывал как его приятель, заслуженный тренер СССР, работал на Кубе. Дело в том, что телосложение негров по всем параметрам является идеальным для занятия плаванием. Опытные тренеры всегда отбирают в ученики стройных, узкобедрых и гибких. Приятель был воодушевлен: стройных, узкобедрых и гибких прудом пруди. Думал: «Ну, мы покажем всему миру, что Куба – это родина великих пловцов!»

Поработал несколько лет, сначала радовался великолепным показателям по общефизической и специальной силовой подготовке, а потом увидел, что больше второго разряда по плаванию добиться от кубинцев не получается! Кожа негров так устроена, что не ощущает потоки воды, так чтобы руки, ноги и все тело сами находили опору там, где водяные потоки множатся, утолщаются, а не там, где образуются разряженные участки воды. Прыгает такой атлет в воду, работает руками, как мельница, ногами тарабанит, как конь, но при этом буксует и отстает от лениво разминающегося мастера, имеющего чувство воды. Визуально молодой тренер Павлюков, конечно, такое явление наблюдал, даже использовал специальные упражнения для повышения мощности гребка, но не знал еще, что это в большей степени качество врожденное. Было ему еще много, на первый взгляд, мелочей, неведомых, но необходимых, которых Павлюков не знал. Хорошо, что он это понимал и был готов как губка впитывать опыт других, более опытных наставников, приехавших на соревнования.

Вечером в день приезда тренеры собрались в огромном люксовом номере у легендарного и хлебосольного Николая Котова. Кудрявый, благородно толстый сорокалетний красавец Котов, был фанатически преданным делу опытным тренером и душой всякой компании, не пьянеющим пьяницей, способным выпить литр водки без очевидных последствий, знающий бесконечное количество анекдотов, которые рассказывались им с актерским мастерством. Степан, как самый молодой тренер, был отправлен за водкой. Когда он зашел в номер с провизией, Котов как раз начал очередной анекдот: «Спрашивают француза, что лучше иметь жену или любовницу. Тот отвечает, что любовницу лучше, встречает тебя всегда ухоженная, хорошо одетая и создает атмосферу любовной радости.. Русский утверждает, что жена лучше, сварит борщ, нальет сто грамм, утешит и приласкает, не требуя от тебя никаких выкрутасов и прочего французского пижонства. Спрашивают тренера по плаванию. Жену и любовницу! Жене скажу, что у любовницы, любовнице, что у жены, а сам в бассейн, и тренирую, тренирую...»

– Ты, Котов, опять про себя рассказываешь! – сверкнула глазами Людмила Тимофеева и первоначальный здоровый приличный смех коллег перешел в гомерический хохот. Только Павлюков не знал, что она любовница Котова, который на самом деле подолгу пропал в бассейне, тренируя своих подопечных до эйфории, состояния похожего на опьянение. Выползая на бортик бассейна, его юные пловцы бодрились, окликавая друг друга: «Проплыли мы немного! Скажи, Серега! Да, Константин! Проплыли мы немного, проплыть бы еще стоко и это будет лишь пустяк, но не ништяк!»

Котов насупился, притворно изображая гнев, потом резко повернулся к Степану и потребовал выпить «за пополнение наших чокнутых рядов» и налил всем полные до краев стаканы.

– Все чокаются! – грозно скомандовал похожий на боцмана, в этот момент, Котов. Дружно зазвенели граненные гостиничные стаканы.

– До дна пить тем, кто не пьяница, необязательно!

Но было поздно, молодые тренеры, не знавшие фирменной шутки тамады, выпили до дна. До дна выпили и несколько опытных тридцатилетних тренеров, действительно любившие зеленого змия сверх меры. Пожилой худой до костей, с впалыми щеками, Армен Казарян, вернув-

шийся к тренерской деятельности после пятнадцатилетнего перерыва, ужаснулся: «Слушайте, ребята молодые, как можно водку стаканами полными пить. В наше время так никто не делал!» Его друг и старший тренер полный, представительный и элегантный грузин Иосиф Чеквиладзе тоже неодобрительно покачал головой, обращаясь к работающему с ними в Стаханове Геннадию Гунченко: «Ты хэрэшэ рабэтэешь, но так пить нэльзя. Сопьешься выгэню!» Геннадий, похожий на артиста Збруева, смотрел на него глазами грустного клоуна и с виноватой улыбкой: «Не сопьюсь! Коллектив не даст! Коля, налей еще!»

Степан Павлюков много водки не пил никогда до этого. Но стакан по команде опрокинул. Возникла реальная угроза опьянеть до соплей, до пьяного словесного поноса и позора... До полного падения! Мордой пьяной в винегрет! Вкус водки сегодня ему неожиданно понравился как никогда, поэтому опрокидывал стакан он лихо и со вкусом, чувствуя на себе испытывающие взгляды старших коллег. Но потом в голове зашумело, стало весело и захотелось рассказать, как он всех уважает. Выручил Геннадий Гунченко, имевший привычку после первого стакана рассказывать о своих подающих надежды учениках.

– Посмотрите завтра на мою девочку на стометровке баттерфляем! Гибкая, ноги хлесткие, бедра с мой кулак, плечи как у Степана, всех сделает!

Котов смотрел на него пристально, с деланной серьезностью.

– Говоришь, плечи как у Степана?! Степа, подойди сюда!

Павлюков, собрав всю волю в кулак, вышел в центр комнаты. Николай подошел к нему, прищурился, примериваясь, и подмигнул компании.

– Ну и плечи! Скорее всего, это не девочка!

– Степан не девочка, я и без тебя знаю! – возражал вяло Гунченко.

Котов смотрел на него сурово, только ямочка на его гладко выбритом подбородке почему-то дергалась...

– Да и я знаю, что Степан не девочка совсем, в душе сегодня с ним мылся. Я говорю, что девочка твоя не девочка совсем!

Гунченко покраснел, но пошел в контратаку.

– Ты что ее проверял? Я не проверял, ей 18 лет всего!

– В том то и дело, что я не проверял, а проверить нужно и не мне, а всем нам! – заявил бесцеремонно Николай Петрович.

Геннадий Гунченко выглядел испуганным, но не сдавался.

– Армен Рафаилович, запишите в протокол, что Котов нас подбивает на статью, а я возражаю! – сказал он, дурашливо усмехаясь.

Серые глаза Николая Котова приобрели стальной оттенок.

– Армен Рафаилович, как главный судья соревнований, прошу вас как судью на протоколе отметить, что Геннадий Петрович Гунченко, по моему подозрению, занимается мошенничеством: привез двадцатилетнего мальчика и выдает его четырнадцатилетнюю девочку. Я предложил провести половую экспертизу, методом тестирования мазка из полости рта. Гунченко категорически отказывается подвергнуть экспертизе участника и оскорбляет главного судью гнусными подозрениями!

Смеялись до слез, Гунченко громче всех. К нему подскочил представитель облсовета ДСО «Авангард» Лев Наумович, лысенький старенький еврей с тремя зубами во рту, но со значительным выражением лица и орденскими колодками на пиджаке, он хихикал тонким голосом, вытирал слезы и повторял: «Нет, ты понял!? Гнусные подозрения! Хи хи хи! Гнусные подозрения! Ты понял?!» Тем временем, смех немного отрезвил Степана, и ему стало легче делать вид, что ничего неординарного с ним не происходит.

Он имел врожденное чутье, которое ему передалось от матери, поэтому понял, что Котов ставит задачу его подпоить ради смеха. Как продержаться до конца вечера? Лихорадочные поиски выхода, результата не давали. Отказаться пить вместе со всеми? Нельзя! Делать полг-

лотка и отставлять стакан? Тамада не даст, найдет громкие тосты, которые неприлично игнорировать. Незаметно выливать водку в пустую бутылку под столом? Николай не отводит от него насмешливых глаз. Уйти, придумав уважительную причину? Но он ждал с нетерпением, когда речь пойдет о работе. Тем временем приложились еще два раза, и хотя теперь Котов наливал понемногу, Степан понимал, что пропадает! Как не старался Николай Котов с притворным гневом запрещать говорить о работе, постепенно беседа приплыла в профессиональное русло. Каждое слово коллег Павлюков впитывал как губка. И было что впитать, так как речь пошла о профессиональных секретах. Но мысль о неминуемом грядущем пьяном позоре отравляла радость постижения тайн ремесла. В конце концов, он решил наступить на горло собственной песне и уйти. Не было другого выхода! Но как уйти, если сам Котов рассказывает, как добивается от своих подопечных энтузиазма при прохождении длинных тренировочных отрезков, а Казарян поделился опытом постановки мощного гребка с высоким локтем, а Гена Гунченко... Интересно! Как оторваться и уйти? Невозможно! Надо! Вон Котов уже собирается провозгласить новый тост. Пить или не пить? Вот в чем вопрос! Внезапно взглядом наткнулся на блестящие черные понимающие глаза Казаряна, смотрели друг на друга несколько секунд. Армен Рафаилович после этого встал и подошел к Котову, потом забрал у него бутылку: «СлушэЙ главнэй, дальше будем соблюдать кавкэзский обычэй, тэмэдой будет самый старший! Ты нам молэдэж нэ спаивэй!»

Глава 10 Я буду первым!

На следующий день в девять утра перед разминкой участников, Степан, успевший проплыть для зарядки километр, стоял под душем бодрый и счастливый, но растерянный, так как совсем не знал, чем занимаются тренеры на соревнованиях, если не задействованы в судействе. Его выручил Стас, который тоже вошел в душ после освежающего заплыва: «Степа, иди на балкон и смотри, учись, команду я возьму на себя. А ты там присмотришь к девушкам-зрительницам!» Команда была понятна, не обременительна и соответствовала его чаяниям. Смотреть и учиться! Занял место на балконе, рядом с двумя студентками пединститута и сидел, и смотрел.

А там, внизу, происходило драматическое зрелище. Играла музыка, по бортику бассейна двигались тренеры с секундомерами на груди, у них под ногами бурлила вода, от большого количества плывущих в разные стороны разными стилями тел. Разминка шла полным ходом. Неискушенному зрителю трудно было представить, как могут не сталкиваться 20—30 человек на каждой двадцатипятиметровой узкой дорожке. Но они не сталкивались! А когда тренеры стали вызывать, по одному, своих учеников, заставляя их прыгать в переполненную ванну бассейна, со старта на двадцать пять метров на время, по секундомеру, даже Степан на первых порах зажмурился, так как казалось столкновений не избежать. Нет! Раздавался свисток, спортсмен сигал в воду и молотил в полную силу свои двадцать пять метров, не обращая внимания на других разминающихся атлетов. В крайнем случае, остальные сами с удивительной ловкостью уступали дорогу рассекающему воду скоростному «скутеру». Интересно было наблюдать за тренерами, которые походили на виртуозных музыкальных дирижеров, самых разнообразных, неповторимых оркестров, по какому-то неизвестному замыслу собравшихся вместе в ограниченном пространстве двадцатипятиметрового бассейна. Каждый, вроде, играл свою партию по своим нотам, но музыка складывалась общая и звучала с репродуктора: « Нам победа как воздух нужна! Мы хотим всем рекордам наши звонкие дать имена!» Вон важно вышагивает с правой стороны ванны Гриша Костолевский, высокий, широкоплечий, длинноногий, с шевелюрой соломенного цвета, похожий на норвежского викинга, характерно покачивая головой из стороны сторону, взглядом полководца, но с нарочитой рассеянностью оглядывая свою армию. Время от времени, он поглядывает на секундомер и внезапно, забыв про свисток на шее, кладет два пальца в рот и громко свистит. Это значит, что его купающиеся (так принято в спортивном плавании называть тех, кто плывет, не напрягаясь, в свое удоволь-

ствие) подопечные должны до следующего разбойничьего свиста плыть быстро. На другой стороне бассейна по-медвежьи ступает Лень Четверухин из Антрацита, действительно похожий на маленького медвежонка. Он часто мигает глазками, приглаживает остатки волос с пробором от уха, и, ласково посвистывая время от времени в свисток, приглашает к себе: то одного, то другого подопечного и что-то долго негромко, чуть ли не на ухо, ему объясняет. Потом посылает его на тумбочку, засекает на секундомер 25 метров, достает из нагрудного кармана белой рубашки ручку и блокнот и аккуратно что-то записывает. А Котов бегаёт вокруг ванны бассейна, машет руками, свистит грозно и в свисток и на пальцах, кричит, ругает всех, кажется, что он сейчас поубивает своих подопечных и остальных подвернувшихся под руку заодно! Но это оптический обман, внимательный взгляд определит, что этот грозный Марс в отличном настроении и готов всех расцеловать, потому что уверен, что первое место займет его команда. Павлюков, кожей, почувствовал его настроение, и у него перед глазами выросла картина, на которой он, семь лет спустя, запечатлен вместо Котова! Оп па! Дорогой читатель, давай щелкнем выключателем и уйдем от подробного описания этих соревнований. Наша повесть о лучшем тренере Европы, о том, как он из негра в бассейне, превратился за короткий срок в гениального тренера, а эти его первые соревнования интересны именно тем, что вызвали в нем желание стать первым. Взгляд с балкона на возбужденного ожидаемой победой Котова, как удар молнии, воспламенил его честолюбие. Степан увидел профессионалов, понял, что у каждого есть чему поучиться и что с ними нужно держать ухо востро, чтобы не споили и не затоптали. Он вдруг получил непонятным способом уверенность в том, что спустя несколько лет станет лучше их всех! Задача была очень трудной, так как в пьяных беседах коллег прозвучало, что без химии, без специальных небезвредных для здоровья восстановителей при современных объемах тренировок не обойтись и в плавании. Его как током ударило, когда это услышал, даже протрезвел, но молниеносно пришло решение пойти своим путем без сверхнагрузок и химии. Через два дня, к концу состязаний в нем твердо созрел план найти более достойную дорогу к вершинам спорта, вопреки всем общепринятым стандартам. Как Ленин он себе сказал: «Мы пойдем другим путем!»!

В автобусе по дороге домой, он не сводил глаз с протоколов соревнований, где попадались строчки с именами его учеников, попавших в зачет, то есть выполнивших второй разряд, а рядом волнующая дописка: тренер Павлюков! Тренер Павлюков имел все основания считать себя триумфатором: четыре его ученика, как он обещал начальству, попали в зачет, что дало возможность команде треста Коммунарскстрой подняться с обычного предпоследнего места на четвертое снизу. Делать ему, Павлюкову, в этом заведении больше нечего, первые университеты пройдены, а дальше с этим споенным коллективом ему не по пути! Ни с кем ему не по пути, своя у него тропинка!

Глава 11 Партийное собрание

Тем временем жена Степана защитила диплом юриста в Харьковском институте и готовилась в отпуск. Павлюков, проработавший в бассейне одиннадцать месяцев, тоже приобрел право на отдых. Они решили уехать из Коммунарска в любой город, где требуются молодые специалисты: юрист и тренер по плаванию, надеясь получить квартиру по льготной очереди. Найти новые места работы, потом ехать на море в Коктебель. Оставалась неделя до отпусков, и они по энциклопедии просматривали справки о городах, в которых были бассейны и ДЮСШ! 5 июня 1976 года в спорткомплексе состоялось открытое партийное собрание с участием всех работников комплекса и приглашенных спортсменов. В президиуме с каменными лицами сидели: председатель теркома Коммунарскстрой Осипов, директор спорткомплекса Колужный и Стас Михайлов – секретарь парткома спорткомплекса. Павлюков с удивлением наблюдал за оживленными спорами между работниками на тему: как лучше организовать работу предприятия. Можно было подумать, что здесь действительно собрался коллектив, связанный одной общей задачей укрепления здоровья подрастающих поколений и трудящихся треста.

На трибуну вышел Стас. Когда он заговорил, Павлюкову стало совершенно ясно, что он ошибался, считая Михайлова лентяем и пьяницей. Это был тренер-энтузиаст, которому не давали работать. Перед этим директор его упрекал, что за десять лет работы тот не подготовил ни одного спортсмена первого разряда и выше.

– Товарищи! Тут было сказано, что мы работаем десять лет. Точнее сказать, что мы не работаем десять лет!

Наступила томительная пауза, было видно, что народ струсил, а директор и завуч окаменели полностью. Оратор продолжал.

– Первого сентября для всех школьников праздник, но не для наших юных пловцов... Приходим мы в бассейн первого сентября, а нам говорят: «Бассейн на ремонте!» Приходим первого октября... Нет воды в душе. А десятого ноября ломается хлораторная установка. А двадцатого декабря отказывает отопление. А когда все нормально, все работает, то набирается столько абонементных групп, что спортивная группа вынуждена плавать на одной дорожке. Подумайте! 20 человек плавают на одной дорожке. О каких индивидуальных заданиях можно в этом случае говорить?! —

Студент КГМИ Ануфьриев, мастер спорта по плаванию, сидевший рядом с Павлюковым и метивший на его место, пришел в восторг: «Степан! Стас молодец! Все понимает! Он понимает, что этой городошной коdle плевать на развитие плавания!» Тем временем Остапа, (то есть Стаса), понесло, и он продолжал ораторствовать в том же духе, доказывая бесчисленными фактами-аргументами, что «крокодил не ловится, не цветет кокос», спортивное плавание в загоне и все по вине руководства треста и спорткомплекса.

Недавно вернувшийся из армии Павлюков, слушал это выступление с замиранием сердца, оно казалось ему слишком смелым и самоубийственным для Стаса Михайлова. Он ждал грозы и с опаской поглядывал на круглое лицо с играющими желваками председателя теркома. Стас закончил речь в полной тишине, никто не аплодировал. Писк комара можно было бы услышать, пока к трибуне катился маленький, коротко постриженный, кряжистый с огромными кулаками и пролетарским лицом с плакатов 20х годов Осипов. Он стоял и твердо смотрел в зал, потом положил пудовые кулаки на трибуну и начал говорить неожиданно вкрадчивым и мягким голосом.

– Товарищи! Вы все знаете, что партия положительно относится к критике и самокритике, поэтому от ее лица благодарю вас за высказанные замечания и предложения по улучшению нашей с вами деятельности на благо нашей советской Родины. Но к демагогии мы относимся отрицательно, а здесь ее было, к моему большому сожалению, очень много. Товарищ

Михайлов, вам захотелось прославиться, хотите готовить олимпийских чемпионов в нашем спорткомплексе? Ради ваших амбиций предлагаете сократить оздоровительную работу среди наших трудящихся?

Голос оратора постепенно приобретал железобетонный тембр.

– -Не выйдет!!! Говорят: от значка ГТО к олимпийской медали... А вы, товарищ Михайлов, подготовили значкиста ГТО?!!

Значкистов, конечно, Стас подготовил вагон и маленькую тележку, но кто его на самом деле спрашивал? Вопрос был риторический и звучал так, что всем было ясно: демагог Стас Михайлов не подготовил ни одного значкиста ГТО, но требует, чтобы ему создали условия для подготовки олимпийских чемпионов. И точка!!! Забив этот гвоздь, Осипов продолжал.

– К сожалению, товарищи, я много был вынужден здесь услышать подобной демагогии: «Кому-то не доплатили, кому-то переплатили, кого-то, понимаешь, обидели, кто-то переработался и т.д.! Не нравится? Бери шинель, иди домой!»

Сделав тут длинную паузу, сжав огромные кулаки, председатель медленно оглядел весь зал, успев посмотреть каждому в глаза.

– — Да, бери шинель иди домой! Хватит об этом! Это не главное товарищи! А что для нас главное?!

Лицо его смягчилось и стало интимно ласковым, голос вновь стал мягким и проникновенным. И он продолжил почти шепотом.

– Главное, товарищи, что есть решения 23 съезда КПСС, которые мы все одобряем.

Зорким взглядом, оглядев сидящих в зале, словно желая убедиться в правоте своих слов, Осипов мягко закончил.

– И мы их выполним! Чего бы это нам не стоило!

Зал грохнул аплодисментами. А сентиментальный Степан Павлюков даже прослезился при этом!

Как мог мой герой так эмоционально реагировать на эту откровенную чепуху с трибуны? Все дело в том, что он хорошо учился и в школе, и институте, в котором недоучился. Вся система советского образования была нацелена на воспитание марксистско-ленинского «мировоззрения» и «научного» атеизма. Он рос в гарнизонах морской авиации, был сначала октябренок, потом пионером, потом комсомольцем и не мог не приобщиться к богоборческой псевдо религии, заменившей Святую Троицу коммунистическими вождями. Маркс, Энгельс и Ленин заменили полностью Бога Отца, Сына и Святого Духа! Такая операция на духе не могла не отразиться негативно на духовном здоровье тех, кто полудобровольно ей подвергался своим усердием в изучении гуманитарных советских школьных предметов. С одной стороны – русская классика, которую он обожал, и родители, которых он любил, сформировали в нем стремление жить по совести и развивали его духовно, а с другой стороны коммунистическая партия учила всякой казуистике, например, тезису, что нравственно и морально все, что служит делу строительства коммунизма. С другой стороны Ленин говорил, что только освоив все культурное наследие человечества, можно стать коммунистом. Степан осваивал, но читая русскую и зарубежную литературу, иногда впадал в ступор, а мозг его перегревался, так как было порой необычайно трудно, сохраняя «научно-коммунистическое» мировоззрение, понимать тексты мастеров мировой литературы. Того же Достоевского как понять атеисту? Раскольников правильно сделал, с точки зрения строительства светлого будущего, поэтому его мучения оказались непонятны юному комсомольцу Степану Павлюкову. Когда становилось невмоготу после чтения той или иной книги, Степан прочитывал рецензию в начале или в конце тома, а там все раскладывалось по полочкам, и душа успокаивалась. Старушку бы он не убил, конечно, так как был равнодушен к деньгам и вещам и наполнен с юных лет родителями и школой презрением к мещанам. Так называли, в то время, людей, заикленных на материальных ценностях. Во-вторых, он имел врожденное отвращение к насилию, на грани

толстовства. Но теоретически защищал Раскольников и даже написал сочинение, в котором выступил адвокатом Раскольникова, пользуясь статьей уголовного кодекса под названием «Крайняя необходимость»! Все упиралось в антихристову идею построения светлого будущего – рая на земле усилиями богоборческой партии и ведомого ей народа. Степан верил в эту идею, поэтому демагогическое заявление председателя теркома вызвало у него слезы умиления. Партия – наш рулевой!

Коммунистическое воспитание повлияло отрицательно и на половую мораль Павлюкова, которую к двадцати годам он выдавил из себя по капле, по-чеховски. Его мама, Татьяна Степановна, в девичестве Кравцова, родилась и выросла в крымской деревне в потомственной крестьянской семье, поэтому пыталась добиться от него девственности до брака, обладая необычайным природным даром внушения. Его аномально сильная половая конституция, сделавшая мальчика в одиннадцать лет похожим на взрослого мужчину, мощно сопротивлялась навязанной стыдливости. В душе жило категорическое неприятие эротического аскетизма. Как за соломинку юный женолюб и страдалец ухватился за цитату Антона Павловича, что нужно по капле выдавливать из себя раба, не забывая и фразу Ленина, что нравственно все, что не мешает строительству коммунизма. Его любовь к женскому телу явно не мешала строить коммунизм, поэтому он строил его успешно и в качестве эротомана. Крайность требований матери, привела к другой крайности, которую можно было бы выразить словами: все женщины должны стать моими. Делу строительства коммунизма это никак не мешало. И он еще не догадывался и не задумывался никогда, как его эротический фундаментализм корежит его личную судьбу. Например, почему он не стал полковником, как остальные его сокурсники по Военному институту?

Глава 12. Одна из романтических историй, круто изменившая судьбу Степана Борисовича Павлюкова.

Курсант третьего курса Военного института физической культуры Степан Павлюков был выписан из военного госпиталя имени Соловьева за нарушение режима. Нарушение состояло в том, что не осталось ни одной медсестры в госпитале, с которой бы у него и его друга-красавца, курсанта артиллериста, Сергея Лазарева, не было бы интимной связи. Эти два выздоравливающих альфа самца шныряли по огромному зданию госпиталя и приставали к женщинам: в кинотеатре, библиотеке, бассейне, в процедурных кабинетах и в больничном парке. Два жгучих усаых брюнета, для одного пусть даже и большого госпиталя, было слишком много, поэтому полковник медицинской службы Махов решил: одного самого наглого удалить. Им оказался Павлюков, который после снятия гипса оказался активнее и динамичнее Сергея Лазарева, еще продолжающего передвигаться на костылях, с аппаратом Елизарова на простреленной ноге. Кроме того Сергей похожий как значительно улучшенная копия на своего однофамильца артиста Лазарева, не имел никаких комплексов и в своей красоте был абсолютно уверен. Это делало его немного ленивее в донжуанстве чем Павлюков, который переживал из-за едва заметной плешки на затылке. Друзья прощались в процедурном кабинете, запивая горе медицинским спиртом, которым их щедро оделила медсестра Марина. После первого тоста за курсантскую дружбу, они вдруг выяснили, что Марина является их общей боевой интимной подругой, это почему-то расстроило только Степана, который для ловеласа был слишком влюбчив. Выпили по второй, и раздосадованный Павлюков пожаловался другу, что ему надоели медсестры, ткачихи, водительницы трамваев и секретарши генералов, что сердце просит романов с обладательницами дипломов о высшем образовании, которые не посещают почему-то танцзалы Дома Офицеров. Артиллерист тут же дал наводку.

– Ищи в Эрмитаже! Особенно в Роденовском зале. «Вечная весна» и все такое! – Немного опьяневший физкультурник вылупил глаза на чудака-друга.

– Мне живые девушки нужны, а не каменные или написанные маслом! И откуда ты знаешь, что у них есть дипломы?

– Я тебе больше не налью! А пока слушай внимательно! Стоит девушка перед картиной Рубенса, к ней подходит красивый интеллигентный курсант, с одухотворенным лицом... Ты умеешь делать одухотворенное лицо или только губки бантиком складываешь?

– Ты что не помнишь, как к нам в палату зашел генерал медицинской службы и сказал обо мне: «Какое экспрессивное лицо! Настоящий Печорин!»

– Экспрессивное еще не значит одухотворенное. Ну ладно сойдет, подходит к ней курсант с экспрессивным лицом, смотрит пронизательными глазами на картину и говорит: «Какая мощь! Какая... Ну, например, экспрессия! Какая кисть!» И у вас завязывается разговор, со всеми вытекающими последствиями!

Лицо Степана приняло мечтательное выражение, он видел видеоленту предполагаемой встречи с красавицей-интеллектуалкой, как на экране широкоформатного кинотеатра. Если бы он мог представить себе, как эта встреча изменит его судьбу!

Мокрым снегом кидался в лицо март, когда Павлюков зачастил в культурную эрмитажную самоволку. Его легендарная фигура после ранения и года госпиталя была так значительно подпорчена, что он однажды, моясь в институтском душе, подслушал, как один его сокурсник говорил другому курсанту, первокурснику: «Ты знаешь, какая фигура у него была до ранения!? Мы все завидовали!» Первокурсник отвечал: «Боже мой! Как можно искалечить человека. Правая рука высохла и стала как у ребенка, а бока покрылись жиром!» Шум воды не дал возможность услышать продолжения этой беседы. Степан начал героическую борьбу за восстановление статуса Дорифора, но, к сожалению, арсенал средств еще был весьма ограничен: зарядка, пробежки и резиновые амортизаторы, намотанные на кисть правой руки, так как даже двухкилограммовую гантель, пальцы, из-за травмы лучевого нерва, пока не держали. Он, правда, посещал еще и бассейн, но пока удавалось, теряя сознание от боли, проплыть не более 200метров за занятие. А пока он поехал на Невский к лучшему портному Ленинграда и подогнал шинель и китель так, что в форме выглядел как настоящий дореволюционный гвардеец. Его другу артиллеристу, увлекающемуся живописью, легко было советовать заводить знакомства в Эрмитаже, изображая из себя незаурядного ценителя художественных гениев. Павлюков разбирался в живописи и скульптуре, если не так как свинья в апельсинах, принимая во внимание его прошлое натурщика в Академии художеств, но все-таки достаточно поверхностно, поэтому он дал себе время на специальную подготовку. Он приходил в Эрмитаж, пристраивался к небольшим группкам художников, которых приводили преподаватели художественных учебных заведений, и бродил по залам вместе с ними, мотая на ус все услышанное. Художники сначала косились на чужеродное тело в военной форме, но потом привыкли к чудачу-любителю.

Однажды произошло следующее. Седой худощавый профессор в очках с золотой оправой помогал своим студентам лучше увидеть одну из роденовских скульптур. Вдруг он замолк и пристально посмотрел на курсанта.

– Степан! Вы здесь? Какими судьбами?

– Откуда Вы меня знаете?

– Разве я могу забыть такую натуру? Вы в Ленинграде учитесь? Почему не приходите к нам позировать? Товарищи, вы помните, я вам рассказывал, как выращивали натурщиков задолго до революции. Брали у крепостных хорошо сложенных детей, помещали их в специальном пансионате, где их растили атлетами: они бросали камни, бегали, занимались на трапециях, гребли, прыгали, делали специальную гимнастику. И приобретали внешний вид античных героев. А потом становились богатыми. А вот Степан Павлюков, выросший в военном гарнизоне на Крайнем Севере, пришел к нам в Академию подработать, и мы были поражены: такой натуры не было даже сто лет назад!

Все принялись разглядывать курсанта, раздевая его профессиональным взглядом.

– Боюсь, что все осталось в прошлом. После тяжелого огнестрельного ранения я потерял свою былую спортивную форму!

Степана смущали любопытные взгляды художников. Профессор понимающе улыбнулся. – Не сомневаюсь, что вы восстановитесь и придете нас порадовать! Эх. Если бы у меня была такая внешность, я бы не стал профессором!

Павлюкову эта фраза показалась загадочной, хотелось спросить, кем бы стал профессор, но он постеснялся и поспешил попрощаться с этой группой, тем более, что его отсутствие в роте уже могли заметить.

Март кончался, но кидать мокрый снег в лицо и за воротник шинели продолжал. Павлюков шел в Эрмитаж свободно, без готовности рвать когти от патруля, с увольнительной на сутки в кармане. Он шел по Невскому проспекту пешком, прохожим дарил улыбки, а офицерам отдавал честь и весь был наполнен радостным предчувствием весенней встречи с прекрасной незнакомкой. Вспомнилась почему-то фраза Льва Толстого: «Счастья на свете нет, но есть его зарницы!» Зарница уже пришла! Ему двадцать лет, телу после ранения возвращается сила и красота, впереди сказочные 24 часа молодой яркой жизни, шинель подогнана, офицерская шапка украшает кудрявую голову, в кармане 50 рублей, присланные отцом. Слева Казанский собор, немного позже справа Аничков мост с похожими на Степана нагими юношами, укрощающими диких коней, колонны, улыбающиеся львы, автомобили, нарядные по воскресному люди, все, все и вся, казалось, смотрят на спортивного курсанта с красными погонами на широченных плечах и... Догадываются, что ему хорошо и что впереди у него счастливая встреча в стенах Эрмитажа. Все его понимают и любят, а он никого не понимает, но любит всех и это хорошо! Через двадцать минут он уже бродит по залам Эрмитажа с притворной сдержанностью постоянного посетителя- знатока.

Встреча с незнакомкой Галиной из Даугавпилса в роденовском зале Эрмитажа произошла, и все пошло как по маслу, но... Подробно останавливаться на деталях знакомства рядовой влюбленности двадцатилетней пары, по духовной незрелости воспринимающей, прежде всего, внешние эффекты нет никакого смысла. Так встречаются миллионы молодых бестолковых пар во все времена, вынужденных потом тянуть лямку супружеского долга и с удивлением вспоминать, что были счастливые часы влюбленности. Находясь в стадии розовой влюбленности, девушка говорит матери: «Мама, ты знаешь он такой, он в деревне родился, и его из института выгнали, а он...!» Проходит время и оказывается, что он деревенщина и лентяй, которого даже из института выперли. Нечто подобное происходит и с ним. А когда знакомятся, они, естественно, что-то говорят друг другу и даже получают наслаждение от этих банальных бесед, смысл которых можно выразить двумя словами: «Я тебе нравлюсь?» И: «Я тебя люблю, потому что тебе нравлюсь, а ты такой красивый!» Шопенгауэр все это называл ловушкой природы, для привлечения самца и самки к выполнению репродуктивной функции. Цицерон, когда видел радостные лица брачующихся, восклицал: «Бедные люди, чему радуются? Один брак из ста бывает счастливым. А эти, почему не плачут?» Висело на стене ружье, потом выстрелило. Приехала Галина из Даугавпилса, пошла в Эрмитаж, подошла к «Вечной весне», возле которой ее поджидал коварный с яркой внешностью военный, который интересно, как знаток, рассказал о Родене и его творчестве и сбежал в другой зал. «Случайно» оказался рядом на выходе возле вешалки и попросил застегнуть верхний крючок на шинели, так как после ранения у него плохо сгибалась правая рука. Они стояли напротив друг друга почти вплотную, их глаза, его зеленые и ее черные, встретились и заискрились, а щеки запылали. Кто-то проходил мимо и проронил: «Какая красивая пара!» Этого хватило! Через полчаса они сидели в «лягушатнике» на Аничковом мосту в уютном кафе с зелеными диванами и пили Кагор. Щебетали, квакали, болтали, смеялись по пустякам, а она учила его основам латышского языка: «Эстеви милю, я вас люблю, не сопрут, не понимаю, кадз дарба тада алга и т.д». Не заметили, как выпили целую бутылку Кагора, и воспылали друг к другу плотской страстью! Она не была латышкой, не была блондинкой, а была малоросского происхождения: чернобровая, статная и стройная, но с большим торчащим бюстом, полными губами и черными глазами, с черным пушком едва замет-

ных усиков, брюнетка. Выскочили из кафе, шли быстро, почти бежали, швейцару три рубля, адрес, метро, квартира за 10рублей, с интимной обстановкой, раздетые по пояс остановились и застыли, потрясенные великолепием формы и размерами грудных клеток друг друга. Степан даже потерял дар речи: таких великолепных стоящих торчком, с набухшими рельефными сосками, трепещущих и манящих грудей он никогда не видел и не держал в руках. Он никак не мог от них оторваться: гладил, мял, целовал, зарывался головой между ними и ликовал.

Так же поступала и она с его мощной мускулистой выпуклой грудью. Потом остатки одежды показались издевательской помехой для праздника ликующей плоти и торжествующих в радости соития душ и тел. Они смотрели друг на друга как Адам и Ева до встречи с дьяволом, который своими дурацкими наставлениями научил прародителей стыдиться наготы. Тот самый лукавый научил потомков Адама называть невинные части тела, дарующие небесное блаженство соития, бранными срамными словами, а эротическую божественную энергию заменять похотью потребления, превращенного в вещь минутного партнера-человека. Они не лежали на раскладной кушетке в свете настольной лампы, а плыли на облаке, лобзаниями, ощупыванием и поглаживанием разгоряченных тел друг друга постепенно усиливая блаженство, хотя в каждое мгновение казалось, что сильнее наслаждения нет, и не может быть, что это предел, за которым смерть. Но этот последний рубеж, хоть и казался чрезмерным и даже пугал своей убийственной остротой, властно звал к себе, лишая малейшей возможности его избежать. На эротическом облаке было уютно, тепло, сладко и близко к земле, а последний рубеж манил в космический полет, грозил судорогой и безумием. Когда все-таки слились в одно целое и забились в содроганиях, пронизанных электрическим током страсти тел, он вдруг с изумлением обнаружил, что у нее это в первый раз в жизни.

Потом вокзал, слезы, эстеви милю, последний жадный поцелуй, письма. Курсанта Степана Павлюкова после выстрела этого ружья не стало! Его каждые две недели осматривал травматолог полковник, который, однажды, увидев лицо курсанта чернее тучи, спросил, в чем дело.

– Что влюбился?! Даугавпилс? Я там бывал – это маленький Париж! Хочешь, уволю тебя из ВС, за 24 часа и поедешь в свой Париж!?

– Хочу! – доктор долго смотрел ему в глаза, пытаясь понять серьезность намерения испортить себе военную карьеру.

– Ты, курсант, понимаешь, на что идешь? Ваш институт приравнен к Военной Академии, 80челоек на место, после него почти все дослуживаются до полковника. В сорок лет солидная пенсия и льготы...

– Степан представил себе двадцать лет служебной лямки в военных гарнизонах. Ему это было легко сделать, он вырос в этих гарнизонах, тосковал и мечтал жить в городе, на свободе.

– Какие 40лет?! Где я и где сорок лет?! Это когда будет? Это старость! А я хочу жить в молодости!

Полковник покачал головой и вдруг психанул.

– Старость!?! Ну ну... Пишу бумагу, приедешь в Даугавпилс, не забудь оформить инвалидность, иначе тяжело будет тебе на воле!

И посмотрел на Павлюкова как на обреченного.

А тот полетел на крыльях любви в Даугавпилс, где ничего не получилось. Романтическая влюбленность разбилась о реальность быта. Бывший бравый курсант престижного военного учебного заведения стал нервным инвалидом без профессии и образования. Влюбленность не превратилась в любовь. За неделю до свадьбы они с Галиной поссорились, и он был выдворен к родителям на Донбасс. Павлюков кусал локти, жалел, что ушел на гражданку, бросив военный институт, но поезд ушел. Полковника с седыми висками из него не получилось....

Глава 13. В отпуск не пускают!

На следующий день после партийного собрания Степан принес директору заявление на отпуск.

- Я занят, завтра зайди! – сказал Колюжный сухо.
- На завтра у меня билеты в Крым, сегодня нужно подписать!
- А старший тренер тебя отпускает?!
- Какой старший тренер, Петр Иванович? Не смешите. Он пьяный и ему до лампочки.
- Без подписи старшего тренера и завуча я не могу подписать. Так что билеты придется сдать. Колюжный уже не скрывал издевки в своем голосе.
- Так и завуч пьяный. Хорошо пойду, подпишу!
- Подпиши, подпиши! – директор ехидно улыбался, а Степан его не понимал.

Павлюкову почти повезло, так как он застал Стаса в кабинете завуча. Правда, они допили уже вторую бутылку «Московской» и на предложение, подписать заявление на отпуск, ответили категорическим отказом. Они были заняты и предложили прийти завтра! Павлюков в таких случаях имел привычку ходить вверх по восходящей начальственной линии и, как правило, всегда своего добивался. Чем выше начальник, тем легче он находил с ним общий язык. Поэтому, посмотрев несколько минут на пьяных бюрократов испепеляющим взглядом, Павлюков сел в троллейбус и поехал в профком треста. Павел Петрович Осипов сидел в своем кабинете, положив пудовые кулаки на стол, и сходство с плакатом «Вперед к победе коммунизма» бросилось в глаза Степану сразу, и он несколько оробел.

– Здравствуйте, Павел Петрович! В отпуск хочу, билеты взял на завтра! – Осипов протянул руку.

- Давай подпишу. Неужели одиннадцать месяцев уже работаешь?
 - Да, одиннадцать месяцев и десять дней! – Павлюков хотел улыбнуться, но не смог, так председатель смотрел на заявление с раздраженным удивлением.
 - Почему нет подписи директора спорткомплекса?!
 - Он сказал, что нужны подписи старшего тренера и завуча, а они... – Степан запнулся, – а они сказали, что не обязаны подписывать!
 - Правильно сказали! Мне нужна только подпись директора!
 - А вы завтра утром будете не месте?
- До десяти утра буду, поспеши!

Время поджимало, поэтому пришлось потратить рубль пятьдесят на такси. Сдерживая гнев, Павлюков залетел в кабинет директора.

– Подпишите заявление, других подписей не требуется. Павел Петрович сказал! – Колюжный засобирился покинуть кабинет.

– Мне нужно срочно к директору метзавода, мы заказали решетки на окна бассейна. Приходи завтра!

– Но вам только подписать. Одна секунда! – Павлюкову остро захотелось ударить кулаком в его пеликаний кадык.

- Мне нужно с тобой вместе изменить расписание занятий.
- Так спорткомплекс на ремонте, занятий нет!
- А если ты задержишься из отпуска по уважительной причине. Заболеешь или билетов на поезд не достанешь?

После этого он сбежал, остановить уже было его невозможно без мордобоя.

На следующий день с ним так же сыграли в футбол. И Остапа понесло. Отец часто называл его дедом Гришкой, за редкие, но буйные приступы гнева и постоянную готовность воевать за свою свободу. Григорий Павлюков, кавалерист, из села Кандеевка Пензенской области, воевал в первую мировую, потом в коннице Буденного, потом пропал без вести под Ленинградом. Когда кто-то как-то пытался его притеснить, от его приступов гнева пряталась вся деревня. Он не был особенным силачом, но в драках всегда выходил победителем, так как не останавливался ни перед чем. Когда Степан Павлюков понял, что над ним издеваются и что его не пускают в отпуск, что эти самодуры посягают на его свободу, он не только заорал на начальство,

но и высказал все, что о них думает. Не забыл упомянуть, что знает о том, как его вынуждали работать вместо них. Колюжный вылупил на него глаза: «Слишком рано ты службу понял!»

– Да пошли вы... – Степан выскочил из директорского кабинета, хлопнув дверью.

Чтобы немного остыть перед разговором с Людмилой, он пошел пешком. Это было его ошибкой! Когда человек переполнен гневом, ненавистью и тоской вокруг него образуется энергетическое поле, притягивающее всякую дрянь. Была жара, в июль катилось лето, возле пивной бочки стояла длинная очередь, Павлюков вдруг ясно ощутил, что если он срочно не выпьет кружку прохладного пива, то сойдет с ума. Но он сойдет с ума и если выстоит бесконечную как в мавзолей Ленина очередь! Степан внезапно принимает опрометчивое решение, подходит прямо к бочке и показывает удостоверение инвалида войны с требованием налить ему кружку пива без очереди. Продавщица так быстро среагировала на его просьбу, протянула ему налитую для первого в очереди кружку пива, что публика не успела ее остановить. Павлюков уже сделал несколько спасительных глотков, как началось. Сначала, с ним хотели разобраться по закону, стоявший третьим старичок в соломенной шляпе ехидно спросил: «Сколько лет тебе, инвалид войны?!» Павлюков воевал в одной из африканских стран, в которой официально советских войск не было, но спецназ там был, а курсанта Павлюкова посылали туда в командировку-ссылку. Рассказывать об этом было нельзя, поэтому он соврал: «Семьдесят два!»

Очередь превратилась вдруг в одно разозленное многоголовое чудовище, которое завопило разными голосами.

– Издевается гад! Не за хлебом стоим, чтобы книжки вытаскивать! Украл ксиву у ветерана! Милицию звать надо! Морду бить нужно!

На последний призыв откликнулись трое: худой узкоплечий неопределенного возраста мужик с фиксой и татуировками по всему телу, рабочего вида рослый плечистый гиревик и с перебитым носом среднего роста и полусреднего веса солдат-боксер. Павлюков, окинувший агрессоров опытным взглядом, понял, что ему будет не сладко... Года два назад, до ранения, когда кроме рукопашного опыта было на пять килограмм больше мышц, а силы хватало на рывок штанги в сто тридцать килограмм, он бы разделался с ними как с котятками. А сейчас, правая рука еще не выносила резких движений, силы в мышцах у одного гиревика и то было больше, а боксер мог лягнуть так, что сбить с копыт сразу еще не окрепшего после госпиталя Степана.

– Поговорить хотите, ребята? Давайте отойдем чуть-чуть вот туда к садику. Там и расскажите мне все что знаете!

Павлюков расслабил все тело и быстро засеменял к садику, увлекая за собой противников на более выгодное для себя место. Вот он уже стоит спиной к столетнему дереву, сзади никто не зайдет, а боксер оказался возле небольшой ямки. Это уже обещало большие льготы Степану. Худой держал руку в кармане, стоял в двух метрах и не двигался, играя желваками, а гиревик и боксер шли на сближение. Что делать? Вед самый опасный худой, в кармане у него нож, пока Павлюков будет возиться с его друзьями, он будет его резать, ведь по озверевшему лицу видно, что это псих. Боец русского стиля, в начале драки, похож больше на Ивана-дурачка добродушным выражением лица и как бы беспорядочными похожими на отмахивание от пчел движениями рук. Фиксатый засмеялся: «Что махаешь, дурило, сейчас вавка будет!»

– От тебя что ли? Ты же забздел, за спинами прячешься, иди сюда, недоносок!

Сработало, фиксатый кинулся на него с финкой в руках и... полетел лбом на дерево, набрав солидную скорость от одновременно произведенных затрешины левой руки по затылку и мощнейшего пинка в зад правой ноги Павлюкова. Боксера он просто толкнул в ямку, тот потерял равновесие и упал на четвереньки, Степана в это время гиревик поймал на удушающий прием, и ему ничего не оставалось, как упасть вместе с прилипшим к нему гиревиком на боксера. Только на долю секунды руки гиревика ослабили захват, этого Павлюкову хватило, чтобы

вырваться из его объятий и оказаться лицом к лицу, с фиксатом, который уже наносил ему удар финкой под ребра. Молниеносный поворот на девяносто градусов гибкого тела Степана и прямой левый в кадык урке дал возможность Павлюкову поднять легкое нокаутированное тело как мешок над головой и бросить на двух его приятелей. Павлюков, торжествуя победу, подошел к очереди и сказал: « У кого, товарищи, еще есть жалобы или претензии к спецназу? » Но ему на руки милиция уже одевала наручники.

Дело в том, что шел 1976 год, афганцев еще не было, и кто-то из бдительных товарищей в очереди позвонил в милицию с сообщением, что некий субъект ходит с поддельным удостоверением инвалида войны. Тем временем жертвы драки успели спрятаться в кустах, что позволило Павлюкову вообще отрицать факт драки, а свидетели дружно промолчали. В отделении милиции от него требовали, чтобы сказал, где воевал, он молчал, его повели к полковнику, который угрожал арестом, но Павлюков потребовал позвонить в военкомат или КГБ и получить нужный ответ от них. Ответ без лишних подробностей начальнику милиции был дан, Павлюкова отпустили, и он вернулся домой, где жена, теща и тесть уже начали обзванивать больницы.

Когда зять, наконец, объявился, у тестя появился повод выпить, а Степан, вопреки обыкновению, не отказался, понимая, что из своего взвинченного состояния, после досадных событий дня, нужно как-то выходить. Пока Людмила с тещей накрывали на стол во дворе в тени огромного орехового дерева, к воротам подкатил сверкающий на солнце Москвич 412, цвета липы, за рулем которого сидел Борис Григорьевич Павлюков с женой Татьяной Степановной и семилетним братом Степана Кириллом. Когда Степан рассказал, что его издевательским образом не пускают в отпуск, поднялся шум, как в цыганском таборе, предела возмущению, казалось, не будет, так все распахивались и даже почему-то кричали друг на друга. Но обстановку разрядил семилетний Кирилл, который сказал: « Степа, а ты им по морде дай. А Люда- аблакат, она тебя защитит! » Все засмеялись и немного успокоились, а совместная трапеза, с замечательным тещиным самогоном и домашним вином под прохладой могучего тенистого ореха, сняла напряжение окончательно. Хотя ради справедливости следует заметить, что родители Степана полностью расслабиться не могли. Борис Григорьевич, по причине сухого водительского закона, был вынужден прибегнуть к серьезной мобилизации силы воли, чтобы не прикоснуться к рюмке. А Татьяна Степановна, находясь в оппозиции к кулинарным достоинствам свахиной стряпни, хвалила каждое блюдо с разной степенью искренности. И если к свежим огурцам, помидорам и зелени с грядки, к соленьям, чаче и домашнему вину она не имела никаких претензий, то домашняя колбаса, свежая свинина и даже караси, пойманные Иваном Николаевичем сегодняшним утром, были немного пережарены или недосолены, или приготовлены с недопустимыми, на ее взгляд, кулинарными огрехами.

Культура питья была у каждого своя. Кирилл пил лимонад, водитель Москвича терпел, Людмила принимала участие в первом тосте, выпивая столовую ложку чачи, ее похорошевшее необыкновенно кроткое лицо с огромными, добрыми темно коричневыми глазами, покрывалась румянцем, голова наклонялась набок, на губах возникала по-детски лукавая улыбка. Такое быстрое действия мизерной доли алкоголя на нее всех сотрапезников умиляло, все над ней любовно подшучивали, называли почему-то Штирлицем, а она присоединялась к Кириллу, наливая себя в рюмку лимонад. Надежда Петровна – Людина мама, бодро выпивала три рюмки, оставалась прежней, но переворачивала рюмку вверх дном, после этого никто не мог ее уговорить выпить четвертую, какой бы хитрый тост не предлагался, ответ бы прост: « Всэ! » Степан пил до состояния легкого опьянения, признаком которого было примирение со всем миром и влюбленность во всех собутыльников, в среднем на это уходило четыре рюмки по сорок граммов водки или чачи. Но через двадцать минут после этого, он становился совершенно трезвым, чтобы вернуть блаженное состояние любви ко всему живому требовалось еще три стопки по 40грамм. Через 40 минут он становился вновь как стеклышко, а что такое похмелье не знал,

так как никогда в жизни его не испытывал. Татьяна Степановна выпивала первые 40грамм залпом, а потом лишь после каждого тоста делала по маленькому глотку. Иван Петрович же меры не знал, становился все остроумней, артистичней и забавней пока не заканчивал положением лицом в салат. Военной задачей его супруги всегда было не прозевать критический момент, чтобы до кондиции клиент не успел прийти, вынудив мужа сделать свой традиционный последний тост чуть раньше.

Последний тост у Ивана Петровича Крамаренко всегда был следующим: «Выпьем за то, чтобы такой стол у нас был бы и через пятнадцать-двадцать лет!» Татьяна Степановна после этого тоста всегда иронически улыбалась, мысленно представляя стол, который она накрывала на праздники, на котором, на красивой посуде, стояли икра черная и красная, семга, соленые грузди, нежные тающие во рту отбивные из молодой телятины с маслинами, паровые котлеты по-киевски... И спрашивала, смеясь: «Что, сват, стол будет еще лучше через пятнадцать лет?!» Иван Петрович, как артист, держал паузу, делал грустные глаза, жалостливо морщил губы и отвечал: «Нет, сваха! Будешь ты вспоминать нашу скатерть-самобранку как счастливый сон! Посадят нас на черный хлеб и воду! А страна к тому времени развалится и будет большая беда!» На этот раз теща рассказала анекдот: «Стоит длинная очередь за сухой колбасой. Рядом стоят социализм, коммунизм и капитализм. Капитализм и коммунизм спрашивают у социализма, что происходит? Социализм отвечает, что это очередь за сухой колбасой. Капитализм спрашивает: «А что такое очередь?» А коммунизм: «А что такое сухая колбаса?» Тесть каждый день перечитывал все газеты и как-то между строк там прочитывал, что все идет к развалу, хотя все заголовки советских газет звали вперед к новым успехам. Никто не верил в его мрачные прогнозы, а он стоял на своем: «Посмотрите, один другой проворовались коммунисты, что их в тюрьму сажают? Сажают на новую работу!»

Глава 14. Прыжок в счастливое будущее!

Напрасно кто-то мог подумать, что мои герои организовали сводное семейное застолье без повода. Повод собраться всем вместе был очень солидный: молодые решили уехать и начать новую самостоятельную жизнь молодых специалистов в другом городе. В любом, где есть бассейн и нужен тренер по плаванию и юрист. После долгих поисков и раздумий остановились на городе Ровеньки, который находился в ста километрах от Коммунарска. Людмиле там предлагали должность юристконсульта на Шахте имени «Космонавтов», Степан по телефону договорился о собеседовании с директором вновь построенного спорткомплекса «Юбилейный». Несколько дней назад Павлюков случайно столкнулся на улице со своим коллегой из другого бассейна и тот рассказал, что его умоляли приехать туда работать старшим тренером, сулили квартиру через три месяца. Он рассказывал: «Приезжаю, деревня! А спорткомплекс отгрохала шахта»Космонавтов» -настоящий дворец, бассейн – игрушка.. Сидят, лупают глазами, не знают где взять тренеров по плаванию!»

Рано утром Борис Григорьевич на Москвиче подбросил молодых к электричке. Они сидели в стареньком полупустом вагоне, в окно которого пробивался золотистый луч только что выкатившегося малиновым огромным шаром из-за горизонта и внезапно забившего снегами веселых лучей солнца. Павлюков до сих пор удивлялся чудесной метаморфозе, произошедшей с его женой Людмилой. Сюжет сказки о царевне-лягушке полностью повторился в истории его женитьбы. Невеста была хорошим человеком, но со скромной внешностью, слишком худой и с длинным носом, а женой оказалась статная рафаэлевская мадонна с огромными чистыми глазами и отмеченным знаком небесной кроткой красоты лицом. Несколько лет спустя произошла фантастическая история. Павлюковы по летней привычке отдыхали в Коктебеле, а к ним в квартиру пробрался вор Витек, с которым год спустя Степана познакомил друг на киевском пляже. В прихожей стоял большой увеличенный портрет Людмилы. Витек был непростой вор, а психолог и валютчик, крал и менял только рубли и доллары, вещей никогда не брал. Лишь мельком взглянув на портрет, понял, что хозяйка, чистая наивная душа, пошел

в ванну, подошел к стиральной машинке увидел чехол с потайным карманом и вытащил оттуда двести рублей! Год спустя он рассказывал уже самому Степану: «Смотрю на портрет, высокопорядочная женщина, значит, деньги прячет в стиральной машине! Взял я эти деньги, уже положил в карман, а потом черт меня заставил опять посмотреть на портрет твоей жены... А она смотрит, как Богородица, прямо мне в глаза, грустно так, но не с ненавистью или брезгливостью, а как любящая сестра! У меня слезы выступили на глазах, пошел обратно в ванну и сунул деньги на место, в стиральную машинку. И думаю так о ней как о сестре, это же ей целый месяц нужно за эти деньги вкалывать!»

А пока Павлюков любовался ею в свете утренних лучей и слышал торжественную музыку с участием тысячи скрипок, предсказывающих молодоженам двадцать светлых ярких лет семейной жизни и блестящей профессиональной карьеры. Она тоже слышала эту же музыку и украдкой бросала на него восхищенные, но тревожные взгляды. Неужели этот похожий на дореволюционного гвардейского офицера Вронского, каким она себе его представляла, от черных усов над чувственными полными губами, до крепкой ладной мускулистой фигуры с выпуклой грудью и узкими бедрами, до небольшой чуть просвечивающей плечи на затылке, ее муж и... Она покраснела... И любовник! До встречи с ним у нее был жених, офицер, воспитанный и порядочный настолько, что ему и в голову не пришло бы требовать, а даже просить близости до свадьбы. Но ей и в голову не приходило, что это возможно, что это нужно, и она оставалась по детски холодна, ничего женского в ней не просыпалось, может быть по этой причине она и выглядела тускло и одевалась как синий чулок. Но по непонятной причине, эту двадцатидвухлетнюю не пробужденную к женской доле деву, благородный и уважающий ее безмерно человек время от времени раздражал и вызывал тоску. А этот! Переполненный до краев своей мужской силой, считающий себя неотразимым, уже в день первого свидания так целовал, такую волю давал рукам, что это можно было бы воспринимать как наглость, если бы не его безмятежная уверенность в своем праве на это. Он ее разбудил как женщину, но и настояжил: «Сколько женщин у него было? Каким он будет в семейной жизни?» Но скрипки пели, солнце за окнами вагона радостно смеялось, а поезд вез их в новую жизнь.

И привез на станцию Ровеньки. Первое впечатление оказалось неприятным. Пошли в вокзальный туалет, типа сортир, который оказался в таком изгаженном состоянии, что потом снился им обоим много лет в кошмарных снах. Много лет спустя, если кто-то из них заболел, то его другой спрашивал: «Ровеньковский вокзальный туалет не снился?» Нет? Значит, пошел на поправку! Но потом они пошли пешком через Гремучий лес по тропинкам. В тени столетних дубов, сосен и тополей журчали прозрачные ручьи, бьющие из артезианских колодцев, пели птицы небесные, стучали дятлы, а кукушка насчитала им бесконечно долгую жизнь. Через десять минут лес плавно перешел в парк культуры и отдыха имени Героев Великой Отечественной войны и, пройдя триста, четыреста шагов, они уже стояли на крыльце сказочного вновь выстроенного спорткомплекса «Юбилейный». Внутри все сверкало и немного пахло краской, а дежурный администратор, приветливо улыбаясь, провела их в кабинет директора. Степан во все глаза смотрел на человека, от которого будет зависеть его тренерская карьера: невысокий, лет сорока, очень за собой следящий, с черными, как смоль, напوماженными волосами, зачесанными назад, похожий немного на японца и лицом, и улыбкой, он явно выигрывал по сравнению с грубым брутальным и огромным Колюжным.. А когда Константин Дмитриевич Павлюченко (почти однофамилец Павлюкова) провел его по всему дворцу, показал ванну бассейна, сухой зал, большой спортзал, тренерскую, методкабинет, душевые и раздевалки и сообщил, что главной задачей ставит подготовку спортсменов высокого класса, что шахта денег для этого не пожалеет никаких, что через три месяца старший тренер получит двухкомнатную новую квартиру, Павлюков просто влюбился в нового директора и свою новую жизнь. Но радостный шум в его голове Павленко остановил вопросом о документах. Павлюкову, кроме трудовой книжки с записью тренер по плаванию, со стажем 1 год и классифика-

ционной книжки пловца второго разряда, предъявить было нечего! Согласитесь, не густо?! Почему директор решил его все-таки взять на должность старшего тренера? Что сыграло главную роль в его решении? Тот факт, что у него уже работали три тренера: два дипломированных легкоатлета, едва умеющие плавать, и один студент-заочник Луганского пединститута, плавающий хуже третьего разряда, а других найти пока не получалось? Или пламенный рассказ Павлюкова о себе, о Ленинграде и военном институте физкультуры, где он недоучился, о своем желании стать мастером спорта по плаванию и готовить мастеров как тренер? Или все вместе? Сам Константин Дмитриевич потом объяснял возмущенному завучу: «Да, бумаг мало у него. Но ты бы видел его честолюбивую и яркую физиономию, порвет всех! Я ему, кстати, поставил условие: к 1 сентября он должен представить справку о том, что является студентом-заочником по специализации «плавание» Киевского института физической культуры! Иначе, до свидания!

Павлюков человек вспыльчивый, холерический, еле сдержался, чтобы не назвать Павленко бюрократом, так как считал, что институт ему не нужен, что у него свои университеты, да и восстанавливать документы из военного института, не было времени. Поступить же на первый курс киевского института ему было необычайно трудно по двум причинам: во-первых, он со школьной скамьи совсем не занимался химией и биологией, которые нужно сдавать на вступительных экзаменах. Во-вторых, изуродованная ранением правая рука еще не была достаточно восстановлена, чтобы сдать экзамены по гимнастике и метанию гранаты. Например, нужно было подтянуться на перекладине 15 раз, а он, преодолевая боль в правом плече, мог это сделать (весьма коряво) лишь четыре раза. Не говоря уже о специальном программном комплексе упражнений на кольцах, где требовалось напряжение в плечевых суставах, ему недоступное. Людмила тут же предложила пожертвовать медовым месяцем в Коктебеле, сидеть дома и готовиться, тем более, что в отпуск его не пускают. Но наш холерик завелся с пол оборота: «Меня кто-то может не пустить? Кто-то смеет посягать на мою свободу? Есть такая сила, которая меня остановит? Едем без разрешения этих клоунов! Право на отдых есть священное право!»

Можно только представить себе, как трудна была служба ангела-хранителя Степана Борисовича Павлюкова, который имел одну почти несовместимую с жизнью черту характера: делал всегда, что хотел. Это у него, в то время, советского атеиста, была главная почти религиозная догма, из-за которой он в армии чуть не потерял жизнь.

Глава 15 Как Павлюков чуть не потерял жизнь.

Дело было так. Когда он поступал в 1974 году, будучи младшим сержантом спецназа, на Военный факультет Ленинградского института имени Лесгафта, то главным побудительным мотивом для него была не военная карьера, а «гусарская» слава факультета. Военные студенты-физкультурники, хоть и носили военную форму и получали высшее военное академическое образование, обладали полной свободой гражданских студентов в сочетании с образом жизни и кодексом чести дореволюционных кадетов. Суть этого явления выражалась в песне, которую выпускники пели на мотив песни «Давным-давно!» из гусарской баллады: «Пять лет гулял, стрелял и пил, красивых девушек любил, шампанским досуг веселил... Трампама, тарпамам (много слов в песне) и на военном факультете образование получил!» Первый курс так и прошел весело и свободно, с балами в Доме Офицеров и брызгами шампанского. Но вдруг дунул холодный ветер, факультет преобразовали в отдельный Военный институт физической культуры, прислали пехотных генералов в руководство, и началась муштра и закручивание гаек. Военные студенты стали настоящими курсантами и разбились на два лагеря: буйных и покорных. Степан стал лидером буйных. Буйные продолжали чтить гусарский кодекс, ходить в самоволки и вести по возможности прежнюю жизнь. Во времена Факультета существовало золотое правило: патрулю живым в руки не даваться! Курсанта, которого поймал патруль в городе, ставили перед строем и начальник курса говорил: «Курсант имярек, был взят патрулем на Нев-

ском проспекте! Он курсант Военного Факультета института физической культуры, не смог убежать от патруля, а потом не смог отбиться от четырех патрульных. Он опозорил звание военного атлета, поэтому будет отчислен, с правом перевода в любое военное училище Ленинграда!»

Почему генералы и пехотные офицеры не смогли сразу быстро подавить буйных курсантов? Дело не только в том, что их оказалось более половины от всего списочного состава, но и в том, что это была лучшая половина, это были отличники учебы, боевой и политической подготовки, яркие талантливые личности с привлекательной внешностью и гренадерскими фигурами. Отчислить хотя бы четвертую часть буйных, означило бы ухудшить все показатели, по которым оценивалась работа военного института и одновременно потерять красоту и мощь строевых фаланг на парадах. В один хмурый апрельский день, Павлюков провел прекрасно время в самовольной отлучке. Постоял час в Академии Художеств в позе Геракла, где ему, как лучшему натурщику с античным рельефом гармонично развитых мышц, платили тройную ставку за час, целых восемнадцать рублей. Потом пообедал с шампанским в ресторане на Невском проспекте со знакомой балериной, потом посетил Русский музей. В кармане еще оставалось 4 рубля 20 копеек, он стоял возле Московского вокзала и думал как лучше их потратить. Вдруг, лицом к лицу, столкнулся с патрулем. Морской офицер и два курсанта моряка смотрели на него в упор и ехидно улыбались, так как физкультурные курсанты краснопогонники были их давними недругами. Павлюков пустился наутек, те бодро рванули за ним. Шансы убежать от преследователей были минимальны по двум причинам: во-первых, Степан был в то время мастером спорта по штанге, поэтому сто метров бегал резво, а вот на длинные дистанции бегать тогда не любил, нормативы по кроссу сдавал еле-еле; во-вторых, он был не в парадной форме, а в повседневной, то есть в тяжелых армейских сапогах на ногах, а моряки летели за ним в азарте погони в легких ботиночках. Тем не менее, двести метров до улицы Жуковского, с дворами – колодцами, описанными Достоевским, Степан промчался с рекордной скоростью и оторвался от преследователей значительно, прохожие перед ним расступались, а патрулю мешали. Павлюков поставил себе оперативную задачу: пробежать метров четыреста по улице до пересечения с Лиговским проспектом и вскочить в уходящий трамвай. Легко задумать, трудно выполнить, ноги, обутые в кирзовые сапоги, стали тяжелыми, воздуху не хватало, а оставалось бежать еще метров двести пятьдесят, он не тратил доли секунд на оглядывание назад, просто бил по асфальту подковами тяжелых сапог и верил в удачу. Вдруг неожиданно заорали две девчонки – школьницы с комсомольскими значками на груди: «Ай, ай, догоняют, догоняют!» Павлюков резко повернулся и увидел в сантиметрах от себя тянущиеся к его ремню офицерские руки в белых перчатках, а матросики заходили с флангов. Пришло ли второе дыхание со страху или что другое, но он с бешеным усилием сделал спринтерский рывок, оторвался метров на двадцать от неугомонных преследователей и заскочил в колодец двора ближайшего дома.

Заскочил в подъезд и толкнул первую попавшуюся дверь, которая чудом оказалась открытой, так как туда только что вошла хозяйка, статная русоволосая женщина лет тридцати. Пока он собирался открыть рот, чтобы объяснить свое вторжение, она его опередила, положила, вдруг, ему руки на плечи и, улыбаясь, сказала: «Здравствуй, Степан! Ты почему такой взмыленный? Два года бежал без остановки, чтобы увидиться со мной?!»

Павлюков вежливо и растерянно скривил губы в подобие улыбки, он не узнавал дамы.

– Да, я летел к тебе на крыльях любви, а потом свалился на асфальт возле Московского вокзала, после чего пришлось бежать по тротуарам от патруля, который хотел лишить меня свидания с тобой, милая, и вспотел!

При этом он с опаской думал, не сумасшедшая ли перед ним. Ее серые глаза теперь смотрели недоверчиво и строго.

– Иди, прими душ, повесь форму на вешалку и заходи в комнату. Плавки разрешаю надеть, я знаю, что ты не любишь красоваться перед чужими людьми без плавков! Я ведь чужая тебе?

Ошарашенный загадочным поведением хозяйки квартиры он уже не сомневался, что она сумасшедшая.

– Откуда ты знаешь, что я не люблю без плавков? И вообще, откуда меня знаешь?

Он смущенный, пытался понять, куда она клонит. А она вдруг рассмеялась, небольшая щербинка и гордо вскинутый подбородок показались ему очень знакомыми.

Ты же знаменитость, чемпион Ленинграда по тяжелой атлетике в среднем весе Степан Павлюков. Я была на соревнованиях и громче всех орала «вставай», когда ты подымался из низкого седа с весом сто семьдесят килограммов, и прыгала от радости, когда ты все-таки встал и поднял штангу над головой. И ты мне послал, потом воздушный поцелуй!

– Поцелуй? Я теперь должен жениться на тебе?!

Ситуация ему казалась все более странной. Она поняла, что заигралась и решила ему помочь.

– Ты меня не узнал? Меня зовут Ольга, я скульптор... Вспоминаешь?!

Павлюков лихорадочно листал ленту памяти: «Ольга, скульптор, плавки...» И внезапно расхохотался.

– Ольга! Разве можно так пугать, уже испуганного патрулем курсанта. Я подумал ты сумасшедшая!

– А ты, по-прежнему, говорят, позируешь в академии в плавках?

– Ты оказалась плохой провидицей, плавки я не снимаю!

Два года назад, когда Ольга была еще студенткой художественной академии, плавки натурщика Павлюкова мешали ей увидеть в нем античного героя, как требовал от нее профессор. Тот самый, что говорил, что если бы у него была такая внешность как у Павлюкова, то он бы не стал профессором. Женщины-натурщицы обычно работали полностью обнаженными, а мужчинам одевали на члены что-то вроде фигового листка похожего на увеличенный презерватив, который воспринимался Степаном как вершина непристойности. А Ольга постоянно просила его не упрямыться. А в ответ на его возмущение говорила: «Ничего через полгода привыкнешь, и будешь позировать как все!»

– Зачем ты ходила на соревнования? Влюбилась в меня?

– Еще не знаю, но ты очень много значишь. Ты для меня... Иди мойся, сейчас поймешь, что ты для меня!

Опять интрига, опять что-то двусмысленное в ее словах и взоре. Он решил подчиниться и пошел в душ.

Комната, в которую он потом вошел, оказалась мастерской скульптора. Ольга стояла возле статуи могучего сурового атлета неопределенного возраста, с глубоко посаженными огромными глазами, бросающего копье. Рядом стояла копия Поликлетовского Дорифора, а на стене за спиной атлетов висел огромный рисунок карандашом, на котором в полный рост был изображен третий атлет, полностью обнаженный, как две капли воды похожий на Степана Павлюкова.

– А это кто стоит рядом с тобой?

– Ты!!! Ты через пятьдесят лет!

– Через пятьдесят лет я буду дряхлым стариком, а этому мощному копьеметателю никто столько не даст!

– Ну да! Еще спроси как Бендер: «Кто это мощный старик?!» А я отвечу: „Это древнегреческий Дорифор, который попал в страну строителей коммунизма и всерьез поверил в миф о новом человеке, воплощающем в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое

совершенство. Разве может такой человек стать дряхлым и поглупевшим стариком, за какие-то полвека?

– А я тут причем?

– Так от тебя зависит, будешь ли именно ты, этим Дорифором 21века! Я верю, что будешь! Когда ты ушел в армию, профессор Петров принес нам вековой давности фотографии натурщиков. В то время академия отбирала хорошо сложенных крепостных мальчиков, выкупала их и растила. Они бегали, прыгали, кидали камни, занимались гимнастикой, боролись и вырастали античными атлетами с прекрасными телами. Как натурщикам им платили приличные деньги, и они со временем становились богатыми и выкупали свои семьи. Андрей... Ты помнишь коренастого бородатого скульптора, который больше всех тобой восхищался? Он был моим мужем в то время. Так вот Андрей сказал: «А ведь Степан был даже лучше, чем эти ребята. А как мы его уродовали своими рисунками и скульптурами!» Меня это задело, что-то щелкнуло в голове, и я задумала бросить вызов Поликлету, сделать Дорифора 21века, но не юношу двадцатилетнего, а не-сгибаемого семидесятилетнего бунтаря-атлета и мыслителя, не умеющего безропотно подчиняться времени.

– В кого кидает копье твой гладиатор?

Ему хотелось перевести все на шутку, потому что о старости, а ему казалось, что она наступает уже где-то после сорока лет, думать нелепо: она так далеко, что ее вроде как бы и не будет совсем.

– -Не в кого, а во что! Во все, что мешает религии, что создает проблемы для общения с Богом: пьянство, чревоугодие, трупоедение, богоборчество, сребролюбие, эгоцентризм и все виды идолопоклонства!

Павлюков нахмурился, разговор принимал неожиданный оборот.

– Ты вегетарианка и веришь в бога? Но его же нет!

– Почему ты так решил, что нет? Зачем есть трупы животных?

– Все знают, что бога нет! Все едят мясо. Без него я бы не стал атлетом!

Она засмеялась.

– -Какой ты еще маленький и не самостоятельный, с кашей в голове. А похож на мыслителя и взрослого настоящего мужчину! Не созрел еще, не стал мужчиной?!

Она посмотрела на него с вызовом и скинула себя халат. Павлюков хотел обидеться, хотел спорить, но не успел! Перед ним стояла голая женщина, живое воплощение вечного зова Эроса.

Голая!! Не обнаженная как следовало бы сказать в мастерской художницы, а самая, что ни на есть голая. Такая голая, что... Дух захватило, и он остолбенел. На обнаженную женщину можно смотреть, можно даже ее хотеть, постепенно распаясь страстью, а такое бесстыдное голое женское естество погружало в море страсти сразу, рождало такое вождение, что кажется, что сильнее блаженства на свете нет, как только смотреть, а если подойти, обнять, погладить круглые волнующие, зовущие руки ягодицы, прижаться возбужденной упругой плотью к жаркому покрытому черным мыском волос лобку, поцеловать мягкие влажные губы, соприкасаясь языками, то умрешь от счастья и наслаждения.

– Ты снимешь эти дурацкие плавки и подойдешь ко мне?!

Он покорно и поспешно освободился от лишнего в этот момент куска материи на бедрах. Подошел к Ольге и стал умирать от блаженства, совершая именно то, что секунду назад казалось вершиной дерзости. На время он даже забыл и думать, что бывает продолжение, что есть еще другие совсем уже интимные и безумные ласки. Они целовали, целовали и гладили друг друга стоя, потом он отнес ее на диван, но они не ложились, а долго целовались сидя. Роден изваял таких тонущих друг в друге любовников в своей композиции «Поцелуй». Потом они томились лежа, пораженные силою ощущений, добытых только нежными ласками, без лихорадочных содроганий соития.

– Это сумасшествие, мы умрем оба, если дойдем до конца! – прошептала Ольга и... Вдруг оказалась сверху на нем и... Словно током ударило их, казалось вот-вот они заискрятся и затрясутся так, как это бывает с теми, кто сует палец в розетку.

– Ты же сказала, что мы так можем умереть! – возразил Степан, уверенный, что так и будет.

– -А мы будем медленно и печально, чтобы как можно дольше не умирать! – отвечала она, удерживая себя от желания биться об него в судорогах страсти.

Ее медленные движения бедрами и продолжающиеся взаимные ласки на какое-то время сохранили им возможность плавать в неге горячей нежности, но затем они стали периодически прерываться вспышками неукротимой страсти со стонами, криками, с ускорениями ритма движений до лихорадочных содроганий очередного ее оргазма. Они умирали и воскресали, менялись местами как непримиримые борцы в драке на смерть, а не на жизнь, то один вверху, то другой, то продолжали поединок на боку, то лицом друг к другу, а время от времени он разворачивал ее спиной к себе... Несколько раз, через каждые несколько минут, она билась в оргазме, а он испытывал при этом практически тоже самое, каждый раз, ощущая хлопок очередного бьющего током выстрела ее лона, оставаясь заряженным семенем на последнюю финальную схватку. Кричали, стонали, потом немного успокаивались и плыли в волнах эротического восторга и наконец... Казалось что сильнее наслаждения уже испытать невозможно, что это предел, вершина, стратосфера с разряженным воздухом, где можно задохнуться от хмельной радости, но пришел момент и Ольга сказала смущенно: «Все пора кончать. Мне нужно развернуться!» Она повернулась к нему спиной и стала на четвереньки, подняв как можно выше обворожительной формы белеющие, на фоне загорелого остального тела, ягодицы. Степана это немного смутило, в его юной душе еще было масса предрассудков, но ее смущение и беззащитная невинность доверчивости к его целомудрию, вера в его понимание интимных особенностей ее женского организма, его тронули. Он вошел в нее с неистовостью последнего взрыва страсти и через несколько десятков секунд они оба взорвались в бурном последнем одновременном оргазме, бурные спазмы, выталкивающие большие порции его семени, продолжались так долго, что ему показалось, что он весь сейчас выльется в нее, весь без остатка. Потом они лежали без сил, упиваясь блаженством освобожденных от лихой чувственной бури, но сохраняющих сладкую истому до кончиков пальцев тел.

– -А ты говорил, что Бога нет! Кто еще мог так наградить нас?! Чей дар это, как не Божий! А как ты сюда попал? Патруль гнал тебя в мою квартиру по чьей воле?

– Ну, я случайно забежал к тебе, никто меня сюда не гнал, – неуверенно возражал Степан.

– Такая случайность тебе кажется убедительней, чем то, что я просила Бога, чтобы он меня свел с тобой, и Он надо мной сжалился?

У него не было никаких аргументов, чтобы опровергнуть справедливость ее слов. Он подумал: «Наверное, Ольга права. Бог есть!»

Потом он отбросил эту «глупую» мысль как человек, имеющий отличные оценки по «научному атеизму» и «диалектическому материализму». Бога нет, потому, что нет, это знает все прогрессивное человечество, а мировая буржуазия использует эту сказку для малообразованных людей, для эксплуатации трудящихся! «Образованный» человек внезапно вспомнил, что опаздывает на поверку и кинулся торопливо одеваться. Бросился в глаза большой шрам на правой руке пожилого каменного атлета, размахивающего копьем.

– Ольга! А шрам у меня, откуда на руке?

– Не знаю. Так мне привидилось почему-то. Жизнь полна борьбы и страданий, а копье-носек от ее бурь не прячется. Не так ли? Впрочем, шрам я уберу, не хочу, чтобы ты так сильно страдал!

Она нежно его поцеловала. А он засуетился, заспешил, если бы он мог знать, что через полчаса ее зарежет сосед-мясник, когда она вступится за избиваемую им до полусмерти жену!

Ничего она не успеет, ни стать его женой, ни рассказать, почему верит в Бога, ни убедить, что человеку, чтобы жить, не обязательно резать и забивать братьев меньших и поедать их останки, ни даже шрам убрать с руки сурового атлета... Если бы он знал, он бы плюнул на поверку, на военную службу, учебу и остался бы с ней навсегда, ограничившись бы карьерой ее натурщика, а она бы стала мировой знаменитостью, ваявшей нового человека, превзойдя древнего Поликлета! А он бы поверил в Бога на двадцать лет раньше и перестал поедать убоину во вред душе, телу и духу.

– Пока! Скоро увидимся!

Помахал ей рукой и побежал навстречу своим неприятностям. Разве мог он предположить, что патруль сидит терпеливо в засаде около двух часов? Ждали! Потому что достали морячков краснопогонные гиревики. Курсантов Военного института физической культуры называли гиревиками, потому что нормативы по общефизической подготовке для будущих начфизов требовали обязательного выполнения норматива первого разряда по гиревому спорту. Гиревики ходили в самоволку, сколько хотели, патрулям в руки не давались, а по выходным в ЦПКО имени Кирова выходили постоянными победителями в драках: стенка на стенку с курсантами всех других военных учебных заведений. Моряки, которые иногда били даже артиллеристов, с физкультурниками поделаться ничего не могли, те их кидали как мешки с песком, украшая физиономии приличными фонарями. А самыми грозными громилами среди гиревиков были не боксеры или самбисты, а штангисты, боевая слава которых превосходила славу профессиональных единоборцев. Богатырская сила, умноженная на небывалую резкость необходимую для подъема рекордных тяжестей, делала штангистов грозными бойцами в коротких динамичных схватках. Чемпион Ленинграда среди юниоров в рывке двумя руками, Степан Павлюков, однажды закинул высокого статного лейтенантика Сергея Петрова на клумбу с колючими розами как мешок с легким пухом. Было не так больно, как унижительно оказаться совершенно беспомощным в руках не такого уж крупного и могучего на вид курсанта. Желание отомстить придало терпение начальнику патруля. Зная его дурацкую привычку раскидывать людей по сторонам как кульки с сахаром, он держал пистолет в руках, одному морячку дал в руки наручники, а второго научил зайти сзади и защелкнуть морским ремнем ноги строптивного силача.

– Руки вверх! – заорал лейтенант, как только увидел выходящего из арки двора колодца Павлюкова. Тот, расслабленный и заласканный Ольгой, опешил, вздрогнул и инстинктивно поднял руки. Но когда увидел зловещее дуло Макарова направленное на него, сразу рассвирепел: «Меня убить, застрелить. Меня, которого любит Ольга! Меня, который должен стать чемпионом мира и Дорифором 21 века?! Была, не была, успею, не успею?» Сейчас он заученным молниеносным точным ударом носка левой ноги выбьет эту чертову железяку из рук патрульного ффраера... Но ноги, пристегнутые плотно ремнем, не слушались... Через несколько секунд Петров скрутил ему одну руку, а второй матрос повис на другой тоже скрученной...

– -Что поймали, скрутили? – вдруг засмеялся Степан. Почему он смеялся в такой невеселого рода ситуации? Дело в том, что еще в десятом классе, это была его любимая игра: дать скрутить себе руки четверем одноклассникам, тем, что поздоровее, по два на каждую руку, а потом резким движением гармонично натренированных мышц стряхнуть с себя их и надавать пинков под зады. Приобрел он эту способность упорными регулярными занятиями гантельной гимнастикой с семи лет, потом гирями, борьбой, лыжами, штангой, боксом, спортивной гимнастикой. Ежедневная зарядка с семи лет стала для него как утренняя молитва для монаха, ее он не пропускал никогда, как его любимый герой гражданский войны Григорий Котовский. Каждая мышца его, каждое сухожилие и связка были развиты до предела возможного, что позволяло развлекать школьную аудиторию, а потом армейскую самыми экзотическими силовыми трюками. А в данный момент его сместило, что моряки верят, что его поймали, и радовало, что эта наивная уверенность не позволила им проявить такую предосторожность как надевание

наручников на его запястья. Он скинул их со своих рук как котят, дал каждому по сильной затрещине по затылку, чтобы лишь оглушить и не оставлять никаких следов на их поглупевших от удивления лицах. Затрещины были настолько сильны, что все трое на несколько секунд потеряли сознание, а Степан взял пистолет, вытащил из него обойму с патронами, рассыпал патроны вокруг небольшой клумбы, бросил его под окном Ольги и был таков. Но когда, выйдя из такси, Павлюков попытался войти на территорию института в наглуемую через КПП, не желая терять драгоценного времени для обхода вокруг забора в место, где можно было через него перемахнуть, его встретил другой патруль в компании с начальником курса капитаном Муравьевым.

Спустя пять минут Павлюков стоял лицом к лицу с полковником Скачко, начальником особого отдела института, огромным сановитым толстым с усиками и выпученными глазами как у Петра I, зычным голосом орущего.

– Молчать! Никаких оправданий. Слишком много свободы дали таким соплякам как ты, собраты бы тройку по-быстрому и на десять лет каторги, чтобы другим мерзавцам и негодьям неповадно было гусаров из себя строить!

Степан почувствовал всей кожей, как повеяло кладбищенским холодом махрового сталинизма, словно машина времени забросила его на четверть века назад. Хамства он не переносил, поэтому кинулся отвечать, превышая пределы необходимой самообороны. Он тоже заорал на полковника.

– Кто дал вам право, полковник, мне тыкать и обзывать сопляком и негодяем? Жаль действительно, что теперь иные времена. Иначе бы я вызвал вас на дуэль и загнал бы пулю прямо в рот, позволяющий себе изрыгать оскорбления на будущего офицера!

Наступила тягостная тишина. Полковник покраснел, глаза вылезли из орбит, он жадно ловил воздух открытым ртом и вдруг замахнулся на Степана для удара кулаком в лицо и... Был брошен на землю броском через спину!

Начальник курса и патрульные скрутили не сопротивляющегося уже Павлюкова и доставили на гауптвахту.

Спустя пять дней, после долгих прений с подчиненными, начальник Военного института физической культуры генерал Парамонов принял решение не давать делу огласку, но особист был непоколебим и требовал жесточайшего наказания. Павлюков был отправлен в горячую точку в одну из небольших стран Африки, где, провоевав около года, получил тяжелое огнестрельное ранение правой руки, с переломом плеча со смещением и повреждением лучевого нерва. Живой он остался чудом. Потребовалось даже три чуда, чтобы сохранить ему жизнь! Наемник, стреляющий в него в рукопашной схватке в упор, не умел пользоваться трофейным автоматом Калашникова (неправильно переключив его на одиночную стрельбу вместо автоматической) и, пытаясь разрезать напополам автоматной очередью могучее тело советского юнкера, попал лишь одиночным выстрелом в правую руку. Второе чудо состояло в том, что истекающего кровью Павлюкова в медпункте узнал командир военно-транспортного АН12 майор Булатов, отец его одноклассника, который и доставил раненого в Ленинград, где в военном госпитале имени Соловьева не только спасли ему жизнь, но и чудом спасли руку от ампутации!

Потом он стоял возле Ольгиной могилы, плакал и думал: «Где она? Просто исчезла? Нет бессмертной души? Нет бога? Почему она утверждала что есть? Плохо образована, хуже меня? В чем смысл жизни, если смерть прекращает все? В строительстве светлого будущего для будущих поколений? Зачем мне эти поколения, если Ольги нет, и меня когда-нибудь не будет, и уже бы не было, если бы наемник умел пользоваться калашом? Мы что навоз для будущих поколений? А будущие поколения, что не будут умирать?» Павлюков представил, что проходят тысячелетия за тысячелетиями, а он все живет и не умирает, стало противно и страшно. «Лучше умереть все-таки через шестьдесят лет или семьдесят лет! Может быть, есть бог?

Может быть, одному Ему все известно? Может быть, Ольга что-то знала, что мне пока недоступно? Почему она считала, что нельзя есть мясо? Нет, она говорила не так, говорила, что нельзя есть братьев меньших! Братьев?!» Вспомнился, вдруг, эпизод из раннего детства.

Хорошо было у бабушки. Три дня Степа бегал к бычку, они общались и вместе смотрели на облака, плывущие по небу, меняющие очертания в калейдоскопе сказочных сюжетов. Но, однажды, вдруг, мальчик не застал друга на месте. Его сердце забилося в нехорошем предчувствии: «Куда делся друг Борька?! Не волки же его съели?» Волков в крымской деревне степного Крыма не было, просто бычок был не нужен в хозяйстве и дедушка Степан его зарезал, чтобы угостить дорогих гостей молодой телятиной. Мальчик, названный в честь деда Степаном, не мог предположить, что его друга зарезал дед Степан, а не съели злые волки. Но у него оставалась надежда, что теленок убежал, поэтому он кинулся его искать в ближайших лесополках. Он кричал благим матом: «Борька! Борька!» А слезы капали из глаз. Чем дальше он мотался по лесополкам и лугам, тем острее ощущал, что случилась беда, что друга кто-то злодейски погубил. Может это злые разбойники или баба Яга, или другие чудища, спустившиеся с небес, на которых они часами глазели с Борькой, в виде проплывающих мимо облаков? Он бы долго так носился по окрестностям деревни, если бы не наткнулся на играющих в дурачка, в тени старой акации, деревенских мальчишек. Предводителем у «картежников» оказался дядя Степа, младший брат мамы, который был только на три года старше Степки. По какой-то странной причуде, мама и ее сестры стали все называть своих первенцев Степанами в честь уважаемого всеми хозяйственного трудолюбивого деда, притом, что бабушка назвала так своего самого младшего сына. Когда женщины выходили искать своих загулявших сыновей, они кричали: «Степа большой, Степа средний, Степа маленький!» Большой Степан смотрел на среднего Степку с чувством превосходства, как на городского дешевого фрэера, называющего коровье масло сливочным. Пару месяцев назад он гостил в Каче у своей старшей сестры Тани и был отправлен в магазин за маслом. Когда продавщицы спросили его какое ему нужно масло, он удивился их глупости, пригладил свои соломенные волосы, кашлянул солидно как дед Павлюк и с досадой сказал: «Какое, какое! Коровье масло дайте!» Ему, маленькому человеку, своими руками много раз сбивающего масло в деревянной маслобойке с ручкой не приходило в голову, что можно как-то иначе называть масло, а продавщицы, жены оторвавшихся от земли летчиков, почему-то засмеялись над ним, разлив мальчика еще сильнее: «Что вы ржете? Не знаете, что масло коровье?» Те от смеха чуть не попадали, потом дали ему пачку сливочного масла, а он ушел раздосадованный, хлопнув дверью. Но мы отвлеклись от поисков друга.

Степан большой спросил своего племянника: «Что орешь как резанный, почему ревешь?» Борьку ищут, – ответил тот, вытирая слезы.

– Борька на столе в кухне...

Обрадованный мальчик кинулся бежать сломя голову к дому. Но, потом резко остановился: «Как это на столе?» В это время мама позвала Степанов обедать. Во дворе пахло жареным луком и мясом. Нехорошее предчувствие кольнуло сердце мальчугана: «Борька на столе?» Да!!! Куски тела друга были аккуратно порезаны, поджарены с луком на большой сковородке и разложены по тарелкам! Он оцепенел, когда все понял, потом, вдруг, ему стало совершенно ясно, что злые волшебники украли бабушку, дедушку, папу и маму и, притворившись ими, пытаются его накормить телом друга. Разве мог бы настоящий отец несколько дней назад, рискуя своей жизнью, спасавший котенка, с улыбкой звать сына за стол, чтобы есть зарезанного и поджаренного теленка?! Бежать! Бежать отсюда, пока и его не превратили в чудовище! Он убежал и спрятался в кустах...

Глава 16. Отдых в Коктебеле

Степан и Людмила прекрасно провели свой медовый месяц в Коктебеле: лазили по горам, купались, загорали, пили сухое вино, знакомились с артистами, писателями и художниками, по четыре раза в день занимались любовью и так далее. А в послеобеденный зной Павлюков штудировал учебники физики, химии. Утром он вставал до восхода солнца и издевался над собой минут тридцать на турнике в хозяйском дворе, потом бежал десятикилометровый кросс по долинам Карадага, а во время солнечных процедур наплывал между буями по пять километров. В морской воде плыть легче и быстрее чем в бассейне, поэтому его стремительные метания между буями четырьмя стилями смотрелись с берега очень эффектно, почти как цирковой номер, собирая толпы восхищенных зрителей. Особенно большое впечатление производил Степан на творческую публику (загорали молодожены на писательском пляже), когда пролетал на предельной скорости пятьдесят метров между буйками баттерфляем, который пловцы называют дельфином. Пловец делает мощные гребки сразу двумя руками, как бы слегка выпрыгивая, как дельфин из воды, и делает ногами и бедрами хлесткие движения, напоминающие удары хвостом морского животного. Многие писатели и члены их семей, Андрей Битов один из первых, тут же прыгали в воду, пытаясь тоже поплыть дельфином, но у самых успешных из них получалось проплыть таким макаром метров десять без всякого сходства в слаженности и красоте движений с морским дьяволом Степаном Павлюковым. Людмилу Павлюкову, умеющую смеяться по-детски, это радовало как маленького ребенка. До встречи с мужем Людмила была необыкновенно скромным человеком. Но когда он выходил из воды после своих заплывов и замирал намеренно на несколько минут немного в картинной позе, по щиколотку в воде, давая возможность отдыхающим выразить свое восхищение античными пропорциями прекрасно вылепленных мускулов своего тела, она испытывала чувства, похожие на гордость собственника музейного экспоната. Кто не был хоть чуть – чуть тщеславен в молодости? Кому не хотелось пофорсить, обратить на себя внимание прохожих хотя бы оригинальным прикидом: брюками, костюмом или головным убором? Когда тебе двадцать три года! Многие ли в семьдесят полностью избавились от этого? Тем не менее, я вижу целую толпу обывателей, ханжей, фарисеев и злопыхателей, которая готова осудить моих дорогих героев за позерство и нескромность. Я, например, никогда не встречал в жизни девушки скромней и добрей Людмилы, которую чуть позже коллеги адвокаты будут называть Татьяной Лариной, за необыкновенное сходство ее духовного облика с героиней Пушкина. Она сама хоть и была очень худенькой в то время (сорок девять килограммов при росте 166), выглядела в купальнике весьма эффектно, имея закругления там, где они должны иметься у женщины, но ей бы и не пришло в голову позировать на публику как Степан или тем более гордиться своим телом, но яркой красоте законного супруга Людмила откровенно радовалась. У нее не было мужчин до него, но в мужской красоте она разбиралась, как страстный коллекционер художественных репродукций со всех музеев мира. Этим толстым альбомом репродукций жена окончательно завоевала сердце Павлюкова, который не ожидал, что у будущего юриста, сухаря в его представлении, может быть такое богемное хобби. А когда она, вслед за погибшей два года назад Ольгой-скульптором, впервые назвала его Дорифором, он был буквально шокирован этим совпадением.

Степан стоял спиной к морю, капли воды блестели на мощном теле, подчеркивая рельеф пластичных мышц, когда к нему подошла писательница средних лет и сказала: «Простите ради Бога за навязчивость, но разрешите спросить, как вы добились таких чудесных результатов в совершенстве тела? Вы похожи на олимпийского бога! Хочу чтобы мой внук, который родился месяц назад, стал таким!» Павлюков неожиданно нахмурился: перед глазами встала ленинградская мастерская погибшей Ольги и скульптура пожилого Копьеносца. Женщина

заметила перемену в его лице и хотела извиниться еще раз, но он встряхнул головой, словно отбрасывая печальные воспоминания, и улыбнулся ей благодарно: « Спасибо вам за ваши слова! Я их никогда не забуду и постараюсь ближайшие двадцать лет держать форму, чтобы вдохновить вашего внука, поделиться с ним любовью к движению, к физической культуре и атлетической красоте тела. Это мой долг! Один хороший человек, к сожалению ушедший из жизни, меня к этому обязал несколько лет назад...» Через семь лет Павлюков на этом же месте уже учил ее внука плавать. Через двенадцать лет тот с тетрадкой в руках, высунув от усердия язык, записывал систему тренировок, питания и отдыха Степана Павлюкова. Через восемнадцать лет, они, интригуя прохожих, ходили в одних плавках по набережной Коктебеля и развлекались, слушая восторженные комментарии.

- Ну, надо же, фигуры!!! Девочки, смотрите, царь Давид с сыном!
- Во, блин чуваки! Банки, то банки посмотри какие!
- Смотрите, кореша, какие мускулы у чудачков!
- Петька, смотри, какие сильные дядьки!
- Какие могучие и красивые мужики!
- Какие пропорции, кто эти парни?

А когда они плыли баттерфляем наперегонки, на пляжах собирались толпы зевак, примерно такие же, как во время приближения к берегу стаи дельфинов! И видел Бог, что это хорошо!

Я могу предположить, что некоторым читателям может показаться, будто бы я злоупотребляю вниманием к телесному совершенству моего героя. Но название моей повести «Лучший тренер Европы», значит, речь ведется о профессиональном тренере, главной задачей которого, по идее, должно быть физическое воспитание подрастающих поколений. Тренеров-ремесленников, с выпирающими животами и пропитыми лицами, много, но выполняют ли они свою главную задачу? Степан Павлюков время от времени, на год-два, ронял знамя лидера физической культуры человечества, но приходила к нему во сне или наяву покойная Ольга и требовала вновь поднять это знамя. Он подходил к зеркалу, смотрел на свое расплывшееся лицо, жировые складки на животе и начинал жизнь сначала, но не с понедельника, а сразу! А после сорока пяти лет он уже знамя из рук не выпускал, и один Бог знает, сколько людей на планете Земля последовали за ним. Времена развития социальных сетей в интернете совпали с началом седьмого десятка его жизни: кудрявые черные волосы полностью покинули голову, борода поседела, лоб избородили морщины, но мощный (старик?) оставался Дорифором, сохранив те же античные пропорции, что имел сорок лет назад. Если вы в этом сомневаетесь, посмотрите его фото на странице фейсбука, на неизменном коктебельском пляже. За эти фото в чем его только не обвиняли различные недоброжелатели: в нарциссизме, эксбиционизме, самовлюбленности и гордыне... Этим злым людям не могла прийти в голову более светлая мысль: что человек просто честно выполняет свой профессиональный долг!?

Хотя пора поместить нашего героя в то место, где ему выполнять свой профессиональный долг наиболее уместно. Хватит бегать от патруля, соблазнять скульпторов, жениться на дев-

ственницах и развлекать публику на крымских пляжах и набережных, наденем на него белые шорты и футболку, свисток с секундомером на шею и... В бассейн!

Глава 17 Первые шаги на новом рабочем месте.

Мы еще, может быть, и вернемся в Коммунарск, где Павлюкова чуть не уволили по статье за самовольный уход в отпуск и поездку в Киев. В Киеве Степан не только сдал блестяще вступительные экзамены, но и был назначен старостой курса, а пока пусть сделает первые шаги в ровеньковском спорткомплексе «Юбилейный». Директор спорткомплекса Павленко его не обманул: увидев справку из института, дал ему полторы ставки и должность старшего тренера. В суме уже получались не несчастные 80 рублей за 10 часов работы, как в Коммунарске, а 150 рублей в месяц за 6 часов работы в день! Это было даже на пять рублей больше, чем платили его супруге, как юристконсульту шахты имени Космонавтов. Степан, таким образом, стал настоящим главой семьи! Комната в мужском общежитии шахты 1.2 Ровеньковской тоже на первых порах была не лишней.

А первым делом директор провел его по новенькому, пахнущему везде краской спорткомплексу, готовому к первому учебному году в своей истории. В зале сухого плавания стоял новый тренажер «Геркулес» с блочными устройствами под разными углами нагрузки на разные мышцы, в выгодных для пловцов параметрах движений. Две штанги: одна олимпийская, другая тренировочная, набор гантелей от одного килограмма до двадцати четырех. Пары гирь по двенадцать, шестнадцать, двадцать четыре, тридцать два и одна разборная гиря до сорока восьми килограммов. Прикрученные к гимнастической лестнице резиновые амортизаторы, перекладина для подтягиваний, маты и эспандеры! В сухом зале три двери: одна ведет в тренерскую, другая – в игровой баскетбольный зал, третья – в методкабинет. В игровом зале находились баскетбольные щиты и ворота для минифутбола, брусья, две настоящие гимнастические перекладины, кольца, ринг и борцовский ковер. У Павлюкова, имеющего серьезные намерения пользоваться всем арсеналом перечисленных средств, для личного совершенствования и формирования базовой общефизической подготовки своих подопечных, вопреки господствующей тенденции в современном спорте ею пренебрегать, загорелись глаза. Большинство тренеров по плаванию были убеждены, что увлечение общефизической подготовкой, особенно силовой, приносит только вред специальной подготовке пловца. Степан, пока лишь интуитивно, в это не верил и противился этой модной тенденции всей душой. Тем более к нему приходила догадка, что здоровый умеренный атлетизм на суше послужит первым средством против огромных нагрузок в воде и будет одним из факторов, спасающих его учеников от приема вредных для здоровья химических препаратов-восстановителей. Идея избежать этой нехорошей проторенной химической дорожки крепла в нем с каждым днем.

Константин Дмитриевич, тем временем, вел обалдевшего от такого богатства молодого тренера по балкону игрового зала на балкон бассейна, наполненный до отказа радостно возбужденными мамами, которые смотрели, как внизу в ванне бассейна проводили занятия по обучению их чад плаванию два тренера. Урок обучения проходил строго по методичке, детки по свистку худощавой женщины сидели на бортике и яростно молотили воду маленькими ножками. По другую сторону бассейна, высокий парень с белокурой шевелюрой, статный сухощавый голубоглазый викинг с крепкими мышцами и лицом, похожим на артиста Олега Видова, по свистку запускал малышек с дощечками в заплыв, на перегонки, до середины мелкой части бассейна отмеченной красными флажками. Его группа деток тоже бешено молотила ножками воду, поднимая фонтан разноцветных брызг, играющих в снопах солнечных лучей, бьющих сквозь стеклянную стену. Как зрителю Степану это зрелище понравилось, как старшему тренеру – не очень, а как будущему участнику такого шоу захотелось прекратить это безобразие... Что он и сделал на следующий день, запретив родителям торчать на балконе во время занятий. Сделал он это чисто по эгоистическим соображениям, так как, имея привычку делать всегда, что хочет, (о которой мы уже упоминали выше), и, не признавая никаких организационных

систем, подавляющих его свободу, он понимал, что будет странно выглядеть своей манерой поведения в бассейне в глазах посторонних наблюдателей. Любитель свободы и эффективности действий, он давал свободу и своим малышам, нарушая инструкцию, по которой следовало построить детей перед организованным входом воду и провести инструктаж по технике безопасности. Отставные офицеры, стряпающие такие инструкции, очевидно никогда не работали с детьми в воде! Иначе бы они понимали бы как Павлюков, что малышам инструктаж по барабану, не услышат они ни одного слова, что все их существо стремится как можно быстрее сигануть в воду и барахтаться там до посинения. Завуч детской спортивной школы организовал набор строго по программе, поэтому Павлюков набрал на начальное обучение 6 групп первоклашек 1969 года рождения. Но спортшкола финансировалась шахткомом шахты имени Фрунзе и Степан, уже наученный опытом работы при теркоме в тресте Коммунаркстрой, знал, что через пару лет председатель шахткома потребует результатов: разрядников, призеров и т.д.. Первоклашки к тому времени будут лишь девятилетними третъякшниками, от которых таких успехов ждать было совсем рано. Чтобы обмануть судьбу, Павлюков насобирал в абонементных группах переростков 1964- 1967 года и «воткнул» человека по три в каждую группу перспективных малышей. Кроме того Павлюков был достаточно ленив, чтобы самому возиться с таким количеством (по 15 в группе) малышей, решил использовать переростков как помощников в работе, одновременно выполняя при этом программу подготовки тренеров-общественников и судей по спорту. Эти помощники и осуществляли инструкцию по безопасности легкими подзатыльниками слишком рьяным нарушителям дисциплины.

Но инструктаж, конечно, нужен. Например, необходимо убедить малышей, что писать в бассейн нельзя. Но Павлюков, как необычайно свободолюбивый человек, старался всеми силами привести своих подопечных к этому серьезному для них ограничению на основе свободного выбора, а не тотального запрета и репрессий. Чтобы малыши тебя слушали, нужно их утомить и проявить артистизм. Степан получал удовольствие от такого общения с малышами. Минут через пятнадцать занятий, на протяжении которых он, изобретая всевозможные игровые идеи, заставлял их интенсивно двигаться, строил на бортике, немного разогревал приседаниями и наклонами, а потом заявлял: «Товарищи первоклассники! Я должен вам открыть военную тайну!» Тренер делал паузу, заглядывая пронизательным взглядом в глаза каждому, и продолжал: «Писать в бассейн можно, но это нехорошо, некрасиво и вредно! Лучше забраться на самую высокую вышку и писать с высоты на других первоклассников! Это возвышенно и красиво, но позорно и неприлично. Могут прозвать ссыкуном!» Детки начинали громко смеяться до тех пор, пока оратор не начинал грозно хмуриться: «Отставить смех! Дело серьезное! Можно еще отпроситься у тренера в туалет и втихаря... Повторяю, втихаря!!! Пописать в душевой. Это не вредно, но не культурно! Настоящие пловцы-первоклассники и даже десятиклассники так не поступают, убивая сразу двух зайцев. Первый заяц – это хороший запах в душевой и уборщицы нас не ругают. Второй белый зайчик – это, не поленившись, пройти десять метров до туалета, первоклассник-пловец становится культурным человеком! Мы будем его называть культуристом! Кто хочет стать культуристом, поднимите руки?» Все поднимают руки, кроме одного белобрысого мальчугана, который смотрит непримиримо своими голубыми глазами на тренера-клоуна. Павлюков решил на него наехать: «Манин, ты не хочешь быть культуристом как все нормальные первоклассники -пловцы? Будешь писать в воде, с вышки или в душевой?»

– Нет! Во-первых, я – второклассник. Во-вторых, культуристы – это страшные большие, как чудовища, дядьки со штангами. А я хочу стать пловцом как вы!

– Молодец, Сережа! Будешь пловцом-культуристом со штангами и лучше меня! А дядьки-чудовища, какие они культуристы?! Так себе бодибилдеры-химики!

Эта нравоучительная беседа имела два последствия: во-первых, уборщицы на общем собрании спорткомплекса похвалили павлюковцев, после которых в душе не пахнет мочой, во-

вторых, кто-то из родителей пожаловался директору, что Степан Борисович разрешает детям писать с вышки и заставляет заниматься культуризмом!

Двадцатидвухлетний Степан Борисович Павлюков с одной стороны выглядел как чрезмерно темпераментный честолюбивый юноша, не скрывающий своих маниловских амбиций стать лучшим тренером Европы. А с другой стороны, он открывался как фантастически быстро развивающийся, на ходу, зрелый наставник, который даже свои личные недостатки оборачивает на пользу делу. Каждый свой, порой весьма легкомысленный и пижонский жест, каждое даже дурашливое слово работало у него на две цели: вырастить здоровых духовно и физически разносторонне развитых людей и ярких спортивных звезд. Начинающие средней руки тренеры бегали по бортику, обучая плаванию по методичкам, практикуя зрелищные, со стороны, групповые методы организации урока. Пожилые опытные и именитые наставники запускали детей в воду, давали им примитивные задания и сидели, как рыбаки на речке, наблюдая над копошащейся мелюзгой, вызывая негодование посторонних наблюдателей, считающих их старыми бездельниками. Павлюков на первых смотрел с насмешкой, а на вторых – с пониманием и уважением, зная, что результаты работы у «старых лентяев» неприятно удивят молодых и не очень молодых «тружеников». Проходило несколько месяцев и на классификационных соревнованиях, вопреки ожиданиям «трудяг», дети «бездельников» проплывали дистанцию в длину бассейна быстрее их подопечных. Что увидят наблюдатели, например, родители малышей с балкона за сорок пять минут занятия по обучению плаванию их чад? Тридцатилетняя энергичная женщина мечется по бортику, свистит, дает команды, которые детки дружно выполняют, работают ножками, ручками, берут в руки дощечки, делают упражнения для дыхания в воду и согласования движений рук и ног с дыханием, в общем, обучение идет на самом высоком профессиональном уровне. Родителям, дети которых попали в эту группу, повезло. А вот другим не повезло. Их тренер, пожилой флегматичный мужчина, сидит, рассеяно смотрит, как малыши дурачатся в воде, ныряют, брызгаются друг на друга и делают все, что им взбредет в голову. Всего несколько раз за занятие он удосужится встать и крикнуть: «Стрелочку сделаем... Кто у нас лучшая стрелочка?!» Ребятишки подходят к стенке бассейна, отталкиваются от него ногой, вытягивают ручки, ложатся на воду лицом вниз или вверх, задерживают дыхание и без движения скользят кто дальше. Одни скользят далеко, почти до середины бассейна, других переворачивает, у третьих начинают тонуть ножки, четвертые скользят успешно, но недалеко. Похвалив одних, пожуриив других, флегматик снова усаживается на скамейку и продолжает невозмутимо отбывать свое рабочее время. Когда его подопечные начинают баловаться не в меру, громко свистит в свисток, строит баламутов на бортике, что-то говорит им, а потом разрешает войти в воду лишь четверым из группы в пятнадцать человек. Этим избранным счастливицам, вновь повторяет свою коронную фразу: «Стрелочку делаем, кто лучше!» Такое впечатление, что только эту фразу он и учил в институте пять лет! Остальные несчастные по одному подходят к тренеру и просят в воду, тот каждому кричит: «Сорок стрелочек, заходи!» Минут десять все дружно делают стрелочки, потом вновь начинают барахтаться, потом баловаться. Звучит финальный свисток, их строят и ведут в душевую. Безобразие! Степан Павлюков бы сразу понял, что это высший пилотаж, что занятие проводит настоящий мастер своего дела. А энергичная женщина занимается вредной ерундой. Пловец высочайшего класса отличается от посредственного тихохода качеством скольжения. Скольжение без работы рук, ног и дыхания является главным базовым, фундаментальным упражнением при обучении будущего пловца, это ниточка, на которую потом нанизываются бусинки: движения рук, ног, дыхание, ритм, чередование напряжения и расслабления, нужных именно в это мгновение мышц, координация движений. Тренер, работающий по методичкам отставных военных, которые никогда не работали на бортике бассейна с детьми, нанизывает бусинки не на ниточку, а на пустое место, на не умеющего идеально скользить на воде начинающего пловца, практически лишая его блестящей перспективы стать сильным мастером. Но почему

опытный тренер так мало руководит учениками и разрешает им баловаться и барахтаться в воде? Потому что скольжению нельзя обучить, его нужно привить, когда после бесконечно многочисленных повторений тело ребенка само ляжет, так как нужно для быстрого и экономичного движения в плавании. Но какой ребенок или даже взрослый человек выдержит такое скучное занятие как выполнение, например, двухсот скольжений без работы рук, ног и дыхания. Взрослого трудно научить по-мастерски плавать, потому что его нельзя обмануть, он не будет барахтаться, нырять, отвлекаться, ему не впаришь двести скольжений незаметно, а ребенка «обмануть» легко!

Но Павлюкову скучно быть таким мудрецом голубых дорожек, ему нужно наслаждаться не только результатами, но и самим процессом! А результаты ему нужны быстрее, пока начальство на него еще не успело наехать, начальству нужны стандартные или именитые. Именитым наставникам начальство простит многое, а молодому специалисту не простит ни малейшего отступления от прописных истин методичек. Степан не сидит как рыбак на скамейке, он бегаёт по бортику как примитивные инструкторы начетчики, но бегаёт, чтобы играть, чтобы веселить себя и подопечных, а веселясь, ускорять процесс обучения. Но обыкновенные инструкторы его все равно обгоняют, по методичке легче и быстрее научить плавать всю группу. Проходит два месяца, и у них плывут все пятнадцать человек, у пожилого мудреца – пять, а у Павлюкова, темпераментного артиста, плывет восемь! Но пятнадцать человек в инструкторских группах просто плывут, а пять малышей Тренера плывут как будущие чемпионы в том или ином стиле плавания... А у Степана Борисовича Павлюкова восемь будущих пловцов, готовые со временем стать чемпионами любым стилем, на любой дистанции хоть вперед ногами и со связанными руками и ногами переплывать Ламанш! Он не «ставит технику» как принято у инструкторов и Тренеров, (у одних примитивную, а у других чемпионскую), Павлюков же растит морских дьяволов, готовых менять не только стиль плавания по мере необходимости, но технические навыки в зависимости от того, каким он будет, когда он станет взрослым, какими будут его данные: рост, сила, выносливость, гибкость, ширина бедер, размах рук и т.д... Хорошие тренеры лепят кролистов, спинистов, дельфинистов, брассистов, стайеров и спринтеров, а гении – водных «животных». Скольжению учит маститый тренер на первом этапе? Правильно! А Павлюков придумывает сотни вариантов скольжений: на боку, на груди, на спине, с согнутой одной рукой и ногой, с отяжелителями на руках, на ногах, вперед ногами, со скрюченными руками и ногами, с поднятой головой, с головой, утопленной в воде, с плоской спиной, с прогнутой, с переходом с поплавок на скольжение, с прыжка и т.д... При этом дает баловаться и играть, сам играет с детьми в водное поло и выбивалу и другие игры с заныряваниями. Дает себе время и посидеть как тренер-рыбак, понаблюдать за резвящимися малышами, выделяя талантливых, чтобы взять их на заметку. Такое обилие упражнений нравится всем детям, но быстрый результат приносят лишь самым одаренным. Назревает первый производственный конфликт!

Глава 18. Первый конфликт.

Завуч Иван Михайлович Палкин, крупный полноватый туго думающий сорокалетний мужчина, бывший тренер по волейболу, выступает на сцену как официальный виновник первого производственного конфликта в детской специализированной спортивной школе по плаванию СК «Юбилейный». Если учесть, что он был человеком достаточно добродушным, ленивым и флегматичным, то его внезапное нападение на старшего тренера Павлюкова выглядело трудно объяснимым. Властолюбием и особым тщеславием завуч тоже не отличался, но был большим педантом по части бумаг. Павлюков бумаги не любил, не понимал их главенствующего значения в системе и только из-под палки заполнял журналы, избегая всячески всяких планов-графиков, перспективных планов, дневников самообразования, конспектов уроков и т.д... Иван Михайлович Палкин, на первых порах, оказался даже в роли ангела-спасителя для своего старшего тренера. Он сам писал все остальные бумаги и, размножая их под копирку, клал каждому тренеру в специальную папку. Папки эти лежали в методкабинете, куда Павлю-

ков почти не заходил, а когда заходил, в свою папку даже не заглядывал, а в документах других, подчиненных ему тренеров, Палкин заставлял его периодически расписываться, как бы после проверок. Время от времени Палкин заходил в сухой зал и приглашал Степана в методкабинет. Завуч садился за свой стол и молча наблюдал, как старший тренер с брезгливой миной открывает папки с документами, потом говорил: « Степан Борисович, вы человек еще совсем молодой, послушайте меня старика. Я уважаю мечты о ярких победах ваших питомцев на водных дорожках Европы, но вас погубит отношение к документам. У нас говорят, что без бумажки ты букашка и поверьте не зря».

– Иван Михайлович, да я понимаю! – отвечал вежливо Степан, но не понимал, а думал: «Что за буквоед этот Палкин!» Он не мог понять, так как жил по привычке, о которой мы уже упоминали ранее, которая дорого ему стоила, но избавляться от нее не желал. А именно, делать в жизни только то, что хочет. Марать кучу бумаги для проверяльщиков-маразматиков, без всякой пользы для себя, дела и без всякого удовольствия от этого бюрократического процесса? Ради чего?! Завуч, словно прочитав его мысли, сказал: « Реальность такова, что эти маразматики могут убить вашу мечту, Степан Борисович!». И подумал: «Хоть кол на голове у него теши!»

Через два месяца завуч провел квалификационные соревнования по итогам тридцати шестичасовой программы по начальному обучению плаванию. Задачей соревнований было определить, сколько человек из шестидесяти в группах каждого тренера после обучения могут проплыть двадцать пять метров вольным стилем, без остановки. Явным лидером оказалась Людмила Ивановна Полторака, у которой проплыли длину бассейна все шестьдесят человек! Владимир Сергеевич Луговской, который подражал в своей системе обучения то Полторака, то Павлюкову, занял второе место в тренерской бригаде, обучив пятьдесят человек. А старший тренер Степан Борисович Павлюков с задачей справился, на взгляд начальства, хуже всех, всего тридцать два юных пловца смогли у не проплыть зачетную длину заплыва. То есть чуть меньше половины своих питомцев, за тридцать шесть часов, он не научил плавать! На тренерском совете, который проходил в кабинете директора, назревал бунт местных тренеров, против приехавшего выскочки, не умеющего толком учить детей плаванию. После того как директор и завуч похвалили местные кадры и пожурили добродушно «отстающего» от своих подчиненных старшего тренера, слово взяла Людмила Ивановна.

– -Я хочу спросить, почему мы должны отдавать через три месяца своих учеников Павлюкову, если мы лучше его работаем. Я тренер первой категории, а Степан Борисович еще тренер по спорту, студент-заочник, не освоивший методику тренера-преподавателя. Он еще не умеет обеспечить должную дисциплину в своих группах. Он высокомерно относится к другим тренерам, недостаточно соблюдает субординацию в отношениях с директором и завучем. Утверждает постоянно, что мы все ничего не понимаем в плавании. . . Вы, Степан Борисович, не рано ли стали строить из себя корифея в плавании, где вы без году неделя, или точнее всего лишь год и два месяца имеете тренерского стажа, против моих двенадцати лет? Я предлагаю себя в качестве старшего тренера, а тот факт, что я тренер по легкой атлетике, а не по плаванию, не отменяет моей квалификации и педагогического опыта и мастерства!

Степан чуть не свалился со стула от удивления. Это говорила Полторака, которая постоянно подсаживалась к нему на тренировках и рассказывала, что завуч с директором дураки, которые ничего не понимают в спортивной работе, а зачеты в пединституте сдавали за сало.

– Люда, ты белены объелась! Будешь старшим тренером, тебе детей отдавать, ты будешь мастеров из них делать, на сборы и соревнования возить? Вы работаете лучше меня? Да мне предстоит еще тяжелая работа переучивать ваших учеников. Не хотел об этом говорить, но вынудила, вы же не плавать их учите, а по воде барабанить!

Директор его остановил властным жестом.

– Степан Борисович, я бы попросил вас без панибратства и тыканья, Людмила Ивановна старше вас и опытнее как спортивный педагог. И умеете признавать свое поражение! Проиграли – признайтесь.

– Кто проиграл? Я?!!! Я выиграл, и всегда буду выигрывать у всех! Другое дело, что вы не понимаете ничего в плавании и не обратили внимания, как плывут мои ученики и как плывут у них.

Константин Дмитриевич вспыхнул было, но его остановил завуч.

– Давайте не сориться, коллеги. Степан Борисович, я бы посоветовал быть тактичнее в разговоре с директором, хотя мы и на самом деле не понимаем в плавании так хорошо как вы. Следующие соревнования будут через три месяца и нам, профанам, помогут секундомеры. Программа следующих классификационных соревнований включает в себя заплывы двумя избранными стилями пятьдесят метров на время. Посмотрим тогда, кто из вас прав! Пока все оставляем по-прежнему! Вы согласны, Константин Дмитриевич!?

Директор, успевший взять себя в руки, утвердительно кивнул головой.

Когда Павлюков выходил из спорткомплекса, его ожидал Владимир Луговской, до этого дня державшийся очень отстраненно. Он стоял, высокий (185см) и статный как сошедший с плакатов физкультурник-значкист ГТО: узкие бедра обтягивали редкие в то время джинсы, мускулистые загорелые руки картинно поигрывали приличного размера бицепсами, мускулистую грудь обтягивала узкая серая футболка, а дерзкому красивому смуглому лицу волосы соломенного цвета придавали особое неповторимое выражение скандинавского рыцаря. Прическа, осанка, характерно неистовое выражение лица и фигура – вылитый Шварценегер, но голубые нахальные глаза светились доброжелательностью.

– Степан, я перехожу на твою сторону, я вижу, что ты классный тренер и хочу тебе помогать! Давай выпьем по пять капель, мой брат угощает. Звездочку третью получил в милиции!

Не успел он закончить свою речь, как из-за угла вынырнул такой же плакатный голубоглазый и белобрысый старший лейтенант милиции, только ростом с Павлюкова (176см) и с более грубыми крупными чертами лица. Хотя у Степана был принцип: в мужских компаниях не пить, а немного алкоголя разрешать себе только с женщинами, которые после выпитой маленькой бутылочки коньяка в магазин не бегут, чтобы добавить, повторить и т.д., но сегодня, расстроенный ударом ножа в спину от Людмилы Ивановны, охотно согласился на это предложение. Ресторан «Космос» находился через дорогу от спорткомплекса, братья по дороге обсуждали позавчерашнюю вечеринку с дамами и поразили Павлюкова такой витиеватой матерной речью, с такими оборотами, которых он доселе никогда не слышал. Подробности вечеринки, со скрипящими кроватями в однокомнатной квартире, смущали его тоже.

В жизни Степана Павлюкова таких оргий до этого времени ни разу не было, хотя романтических встреч и ночей, как у атеиста с сильной половой конституцией, было много, но он каждый раз хоть и ненадолго, но влюблялся в свою очередную партнершу, приписывая ей все достоинства, которые ценил в женщине. До тех пор пока она не показывала, как он сам говорил «ослиные уши», нарушая гармонию, поэзию и музыку романа. А вот прелести откровенного разврата он еще не познал. Братья явно его опережали в «развитии». Они поднялись на второй этаж в зал ресторана. Было обеденное время, и зал оказался заполненным молодыми женщинами и пожилыми мужчинами: служащими банка, военкомата, ОРСА, почты, треста «Ровеньки-Антрацит», продавщицами магазинов и универмага. Появление трех статных юных богатырей не осталось без внимания, десятки пар смешливых женских глаз смотрели с неподдельным интересом, а некоторые и с восхищением. К ним подскочила ядреная официантка Оля, бурно приветствуя братьев: «Леша, Вовчик, давно у нас не были, ой, и привели кого!!! Мы с девчонками видели вашего приятеля в бассейне... Знаете как они его прозвали? Мистер секс!»

– Меня Степаном зовут, а почему они так меня прозвали, я вроде повода не давал!

Павлюков отчаянно боролся с краснотой щек, смущенный оценивающими взглядами женщин, странной кличкой и рассказами братьев.

– Так на тебя посмотришь, сразу секса хочется! Вид у тебя такой...

Луговской взял ее за талию, оттаскивая от Павлюкова.

– Отстань от него. Это не для твоих подруг друг! Знаешь кто этот мощный старик? Это лучший тренер Европы, гигант мысли, отец ровеньковского плавания! Его нужно сегодня накормить по-настоящему. Ну, тем, что бог послал, не мне тебя, Оля, учить!

Вовчик, как выяснилось чуть позже, знал наизусть и цитировал постоянно крылатые речи Остапа Ибрагимыча Бендера.

Их посадили за угловой стол возле окна с видом на Гремучий лес, откуда был виден весь зал и все в нем присутствующие и, который, оказывается, всегда держался официантками специально для Владимира Сергеевича Луговского и его брата. Бог послал им сегодня такую снедь: черную и красную икру, картофель в горшочках с грибами, осетрину, салат из помидоров и огурцов, голландский сыр, маленькую бутылочку пятизвездочного армянского коньяка и бутылку полусухого советского шампанского со льдом. Выпили за звездочку и советскую милицию, потом за советский спорт. Павлюкову, который обычно обедал в столовой на первом этаже этого же здания, очень понравилась трапеза в уютном уголке с видом на лес с одной стороны и обзором самых разнообразных обедающих женщин с другой стороны. Он успел заглянуть в меню и с удивлением обнаружил, что комплексный приличный вполне обед стоит здесь всего на сорок копеек дороже, чем он платил в столовой за то, что обедом можно было назвать лишь обладая большой фантазией. Это была так себе рабочая заправка, для того чтобы дотянуть до домашнего ужина. За окном справа столетние дубы и тополя дурашливо махали ветками на ветру, а слева и по центру женщины не просто обедали, но и стреляли глазами, приветливо улыбались и просто манили своими спелыми сочными прелестями. Атеисту, комсомольцу и пламенному строителю коммунизма, Степану Петровичу Павлюкову, не могло и в голову прийти, что Владимира Луговского, ресторан, икру, шампанское и томные взгляды чужих женщин ему послал лукавый. Луговской заговорил об обстановке в бассейне: «Степан! Можно я буду говорить правду? Ты действительно гениальный тренер и педагог, я наблюдал за тобой, а у меня глаз острый. Но ты слишком честный и наивный человек, выросший в военном гарнизоне как в теплице. Ты начитанный человек, прочитавший много красивых и умных книг, но в нашей советской действительности ты, прости, полный лопух! Ты думаешь, кому-то нужны твои творческие порывы и профессиональная компетенция, что где-то сидят добрые дяди, которые ждут твоих успехов и готовят тебе призы за них? Дудки! Везде и всюду завистливые хищники, которые тебя сожрут при первой возможности! Мне было забавно смотреть, как тебя расстроила выходка Людки Полторак на тренерском совете. Ты был удивлен? Ты не знал, что она завистница, сплетница, интриганка и карьеристка? Что она постепенно берет власть над директором и завучем, пользуясь их слабостями?».

Павлюков, уже выпивший три рюмки коньяка и полбокала шампанского, закусив блинчиками с красной икрой, расслабленный заинтересованным взглядом яркой брюнетки, сидевшей за соседним столиком, находился в состоянии такого послестрессового блаженства, что не удивился бы даже, если бы эта брюнетка вскочила на стол и запела низким контральто о любви к нему, Степану. Поэтому неожиданный спич ученика Остапа Ибрагимыча Бендера не показался ему сверхъестественным. Возражал он вяло: «Может быть я и лопух, на самом деле, только сожрать меня нельзя. Силу в себе чувствую разогнать пинками всех шакалов и даже тигров!»

В разговор вмешался Леша-милиционер.

– Пинками не получится! Даже Илья Муромец пинками не сдюжит! Для этого нужно знать, кого пинать. Кто шакал, кто тигр, кто враг, а кто так? Без оперативной работы порой этого не узнаешь даже.

– Мне что поднимать руки вверх и сдаваться? – спросил Степан, а Владимир поднял руку как римский триумфатор.

– Нас уже трое, мы за тебя. Троих нас в городе Ровеньки никому не одолеть! Один за всех, все за одного! Выпьем за победу!

– За нашу победу!

Все трое встали и чокнулись! Бокалами с шампанским.

Тем временем чудеса продолжались! Брюнетка встала из-за стола, повернулась спиной к заговорщикам-мушкетерам и пошла, показывая стройные ножки и попку изумительной формы, которая под серой короткой юбкой совершала колебательные движения, волнующие мужские взгляды. Какой мужчина не смотрел на женщину сзади с трепетом, на эти изгибы тела ниже пояса, которые заставляют звучать в душе упоительную музыку Эроса? Она подошла к Юре, тренеру по боксу, который допивал чай, наклонилась к нему и, показывая глазами на Степана, что-то сказала, потом пошла к выходу, а Юрий, мускулистый мужчина сорока лет с суровым лицом, двинулся решительно по направлению к нашим заговорщикам.

– Ты влип, Степан! Зачем так смотрел на Людку Врещ? Это первая задавака в городе и недотрога! Что будешь делать? – забил тревогу Луговской, наслышанный о крутом нраве боксера.

– Ну, это мы еще посмотрим, кто влип! – ответил Павлюков, расправив мощную грудь. Оба брата окинули его оценивающим взглядом и переглянулись. Тем временем боксер подошел.

– Степан Борисович, давай выйдем на минутку, поговорим!

– С удовольствием! – Степан радостно улыбался, словно ожидал от того приятного сюрприза, удивляя своих новых друзей легкомыслием. Весь зал застыл в ожидании чего-то скандального, когда два тренера, похожие друг на друга телосложением, ростом и одного примерно веса, выходили из зала ресторана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.